

Стивен Танни

Стопроцентно лунный мальчик

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6898552
Стопроцентно лунный мальчик: роман : Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2014
ISBN 978-5-389-08229-8

Аннотация

Четвертое тысячелетие нашей эры. Спутник Земли Луна. Это не та безжизненная пустыня, какой мы знаем Луну сейчас. На Луне можно дышать, в ее красном небе летают птицы величиной с маленькую собаку. А те, кто родились на Луне, обладают способностью видеть будущее и носят специальные очки, подавляющие пророческие видения. А еще говорят, что человек, заглянувший в глаза лунному жителю, может сойти с ума и даже умереть. Шестнадцатилетний Иеронимус именно из таких, он стопроцентно лунный. И девушке, его сверстнице, прилетевшей с Земли на экскурсию, очень хочется убедиться, правда или выдумка то, что говорят о лунных жителях на Земле…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 19
Глава 3 29
Глава 4 41
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Стивен Танни
Стопроцентно лунный мальчик

Посвящается Энн, Джулиэну и Софи

Глава 1

На Луне водится только один вид птиц. Лунно-белые колибри, размером с собаку, летают огромными стаями. Вибрация их крыльев действует на среднее ухо, вызывая ощущение эйфории, словно ты паришь в воздухе. Когда они с той девочкой целовались, Иеронимусу показалось, что они находятся посреди целой тучи колибри.

Память о поцелуе сделала даже поездку на метро не такой отвратной, а это кое-что да значит, потому что ветка через Море Спокойствия – самая гнусная линия подлунных поездов, особенно в ночное время. Около часа ночи древнее чудище из пластика и алюминия ни с того ни с сего застряло между остановками. Иеронимус несколько часов просидел в жаре и духоте. Флюоресцентные лампы то вспыхивали, то гасли. Голос из хрипящего динамика периодически разъяснял причины задержки, но никто его не слушал: в переполненном вагоне почти все были под градусом. Горластые, потные пассажиры, должно быть, возвращались домой с вечеринок, с концертов и других ночных развлечений. Некоторые громко разговаривали, другие спали, кого-то тошнило. Кто-то пел, пару раз вспыхивали драки. Все это почти не задевало Иеронимуса. Он только что целовался с девчонкой в парке аттракционов, где высоко в небе сияла Земля, и чудесное воспоминание помогало отгородиться от творящегося вокруг безобразия. Девочка была красивая, он таких никогда не встречал. Иностранка. Туристка с Земли.

Он добрался домой в пять утра, жутко поскандалил с отцом, еле доплелся до своей комнаты и вырубился. Проспал семь часов и проснулся, ничего не соображая.

Борясь с отупением, Иеронимус пытался припомнить вчерашнюю ночь. Правда, на Луне ночь не так уж отличается от дня. Из-за искусственной атмосферы небо всегда одного и того же красноватого оттенка. Земляне его называют «предрассветные сумерки». И она тоже так говорила. Она… А как ее звали? Что он за парень такой – поцеловал девчонку, а назавтра уже и имени ее не помнит? И ведь не пьяный вроде был… Не пил он.

Иеронимус выглянул из-под одеяла. Часы на захламленном столе показывали двенадцать. Причина его забывчивости явно не в недосыпе.

Зверски воняло машинным маслом. Иеронимус откинул одеяло и с изумлением обнаружил, что не только полностью одет, но и весь измазан какой-то дрянью промышленного происхождения. Зеленоватая маслянистая гадость, грязь, копоть… Белая пластиковая куртка валялась на полу, вся в пятнах машинного масла, бок распорот сверху донизу.

Да еще и защитные очки не снял. И так приходится их целыми днями носить, по вечерам Иеронимус обычно срывал с себя эту феями проклятую гадость и швырял куда-нибудь не глядя. Очки он ненавидел. Уродливая штуковина в плотно прилегающей оправе из черной резины. Линзы с фиолетовым отливом. Хотя бы запершись у себя в комнате, можно от них освободиться, а на людях требуется носить обязательно. Закон такой.

Правда, благодаря очкам он познакомился с той земной девочкой. Память понемногу возвращалась. Вчерашний вечер кое-как складывался из кусочков.

Имя у нее тоже было земное. На Луне таких не встретишь – здесь всегда чуть-чуть отстают от земной моды. Вместо имени – целая фраза. Сначала Иеронимус притворялся, что

его это ничуть не смущает, а через несколько минут привык. Сейчас, лежа одетый в постели, он злился на себя за то, что никак не может вспомнить имя.

Он уже собрался снять очки и снова заснуть, чтобы еще раз увидеть во сне тот чудесный поцелуй, как вдруг вспомнил все разом.

Не имя девочки – другое, страшное, что они сделали вдвоем. Запретное.

Он закрыл лицо руками.

Ему всего шестнадцать, а жизнь уже кончена. С ума он, что ли, сошел? Спятил окончательно и бесповоротно. То, что они сделали, не просто незаконно. Это автоматический пожизненный приговор. Если узнают, Иеронимуса посадят в тюрьму на обратной стороне Луны, там он и сгинет. Эти поганые очки, что так заинтересовали девочку с Земли, интересуют также и полицию. Очки – сигнал всему лунному обществу, что он – из *этих*. Стопроцентный лунный мальчик.

Иеронимус постарался дышать глубоко и медленно.

Первая мысль была: пока еще у него неприятности не с полицией, а всего-навсего с отцом. Он еще раз глянул на часы и напомнил себе, что простился с той девочкой больше двенадцати часов назад. Отвез в гостиницу, где ее ждали мама и папа, а сам успел на последний поезд метро, идущий через Море Спокойствия. Полицейские в подобных случаях действуют быстро. Иеронимус надеялся, что ее родители поверили в совершенно идиотское алиби, хотя и считал это маловероятным. Дочка пришла вся в грязи, волосы слиплись от машинного масла, да еще и практически в отключке после того, что они натворили. Какие родители не обратились бы в полицию?

Да, они нарушили закон. Точнее говоря, он нарушил. Он в ответе, не она. Он не хотел, но она его уговорила. Он предупреждал, что ей будет плохо, а она уперлась – ну как же, она ведь отважная, сильная девушка с Земли, и на Луне ей все нипочем. На самом деле она ошибалась… То есть отваги у нее и впрямь хватает, но в остальном она была неправа.

По крайней мере, они поцеловались, прежде чем сделали это.

Он скорчился в постели, не смея пошевелиться, каждую секунду ожидая, что за окном взвоет полицейская сирена и в квартиру вломятся двадцать человек в форме. Вдруг пришла мысль: интересно, а сколько раз в день подобное случается? С другими, такими же, как он. Стопроцентно лунными.

Он вовсе не уникум, хотя достаточная редкость, чтобы вызывать любопытные взгляды и шепотки за спиной. Не совсем нормальный. Их много, носящих позорное клеймо – стопроцентно лунных мальчиков и девочек, мужчин и женщин. Тысячи. И все носят защитные очки. Обязаны носить. Их всех, уродов несчастных, заставляют носить защитные очки. Иначе – ссылка на ту сторону Луны. Иеронимус проклинал свою жизнь, со всех сторон обставленную запретами.

Он сел на постели, сдвинул очки на лоб и потер усталые глаза. Покосился на окно. За стеклом что-то происходило. Точнее, готовилось произойти… Он быстро вернул очки на место. Ну точно: здоровенная колибри подлетела вплотную и застучала клювом в стекло, выпрашивая подачку по обычаю этих надоедливых птиц. Иеронимус швырнул в нее подушкой. Колибри улетела. Он заранее знал, что так будет. В те несколько секунд без очков Иеронимус увидел всю сцену, разыгранную едва различимыми тенями, прежде чем это произошло в действительности. Очки отсекают его природную способность заранее видеть перемещение физических тел. Все стопроцентники обладают этим свойством, потому лунные власти и приняли законы, принуждающие их подавлять свое специфическое зрение, притворяться нормальными людьми, когда на самом деле они совсем не такие.

Один закон сформулирован особенно четко: никогда не смотреть на других людей без специальных защитных очков. Именно этот закон Иеронимус нарушил вчера. И если об этом станет известно, последствия будут самыми суровыми.

Земная девочка, у которой вместо имени – целая фраза. Он раньше не встречал подростков с планеты-прародительницы. Живая, умная, своенравная, она даже знала о стопроцентниках. Была бы она лунницей, Иеронимус от нее запросто отмахнулся бы, но его очаровали экзотический акцент, необычная походка и наивный земной энтузиазм. Слабак, не смог устоять. Она хотела, чтобы он посмотрел на нее без очков.

И он посмотрел.

Теперь он больше никогда ее не увидит.

Иеронимус нарушил закон. Сняв очки, он мог совершенно точно узнать, что будет с человеком, на которого он смотрит. Он знал, что будет с нею. И от этого было ужасно грустно.

Еще две колибри врезались в оконное стекло и улетели, оглушенные. Иеронимус вдруг вспомнил: Окна Падают На Воробьев. Ее звали Окна Падают На Воробьев. Он еле слышно прошептал эти слова. Вновь обретенное имя тихим вздохом скользнуло с губ и на миг воплотилось в зрительный образ. Такую он видел ее на прощанье: одной рукой касаясь перил, она взглянула на него в последний раз, прежде чем исчезнуть, поднявшись по грязной, плохо освещенной гостиничной лестнице.

Окна Падают На Воробьев.

Иеронимус выглянул в окно. На фоне красного неба вырисовывался длинный ряд озаренных неоновыми огнями многоэтажек. Море Спокойствия сплошь застроено высотными домами, и сам он – тоже частица единого урбанистического пейзажа с бесконечно повторяющимися группами небоскребов. Иеронимус жил вместе с родителями на восемьдесят восьмом этаже стандартной высотки. Отец нечасто повышал на него голос, но когда Иеронимус явился домой под утро, у предка буквально сорвало крышу.

Ринго Рексафин отлично знал, что в метро случаются поломки, иначе его сын вернулся бы вовремя, но разорялся он не из-за этого. «Почему ты вечно попадаешь в подобные ситуации? Почему постоянно идешь на поводу у других? Нашему метро больше трехсот лет!» Отцовский баритон звучал на полную громкость, у родителя и у самого глаза слипались, он не ложился всю ночь и был по этому поводу в бешенстве. Да и прав он вообще-то. Лунное метро славилось всевозможными авариями, а иногда поезда снимали с линии и отправляли на техосмотр без всякой видимой причины. Просто так, ни с того ни с сего. Чья-то левая нога захотела – и пожалуйста, а в результате можно застрять на несколько часов. И если бы одни только поломки! В древних туннелях творился криминальный беспредел – ограбления, изнасилования, поножовщина. Отец особенно нервничал, потому что как раз накануне на той же самой ветке метро убили двоих из Плагстон-хайтс. Их поезд застрял между двумя пригородными станциями посреди Моря Спокойствия. Трое мерзавцев в масках из чулка напали на несчастную парочку – те, на свою беду, оказались единственными пассажирами в вагоне. Девушке отрезали голову, а мужчине вырвали глаза. Жуткая находка для утренних пассажиров.

Иеронимус выслушал эту историю очень внимательно, как и другие подобные. Вчера, в тесноте вагона, он вспоминал ее во всех подробностях, чувствуя, как подступает паранойя. Человек с вырванными глазами был стопроцентно лунным. Следователей – как и журналистов – особенно заинтересовал один любопытный факт: глаза так и не нашли. Убийцы унесли их с собой. Не взяли ни денег, ни ценностей, даже защитные очки парня бросили, а глаза прихватили.

Полицейские знали, в чем тут дело. Догадаться-то нетрудно: цвет глаз был такой же, что скрывается под очками у всех стопроцентно лунных. Весьма необычный цвет, встречается только в их глазах и нигде больше. Совершенно новый цвет, его невозможно разложить на привычные оттенки. Четвертый основной цвет. Один-единственный взгляд на него вызывает глубокие временные нарушения в коре головного мозга. И очень многим нестерпимо хочется испробовать эти ощущения…

– Позволь заглянуть под твои очки, я тебе дам пятьдесят долларов!

– Отвали.

– Слушай, Иеронимус, ну сдвинь чуть-чуть очки, я никому не скажу! Просто не могу представить, как выглядит четвертый основной цвет. Пожалуйста, дай взглянуть…

– Ни за что.

– Ты, урод очкастый, я тебе всю морду расквашу, если не покажешь, что у тебя за стеклами!

– Оставьте меня в покое!

Девочка с Земли тоже оказалась слишком любопытной, это ее и сгубило.

Иеронимус откинулся на подушку. Если бы полицейские знали, они, конечно, давно уже были бы здесь.

Он ее поцеловал. Почему нельзя было на этом остановиться?! Ну, может, поцеловались бы еще, как нормальные люди. Зачем законы-то нарушать?

Они целовались. Ничего чудеснее с ним еще не происходило.

А потом она все испортила.

Она требовала и настаивала. Она была не просто красивой. Она была воплощенная красота, да еще из другого мира, и голова у нее работала как надо, и от звука ее голоса в его душе разлетались кометы, и почему-то ему вдруг показалось, что она сильная, что она сможет увидеть его глаза и ничего с ней не сделается. Как ужасно он ошибся… Захотел раз в жизни побыть нормальным парнем. А он ненормальный, и жизнь об этом напомнила. Он позволил снять с себя защитные очки. Вот тогда все и случилось. Прошло несколько часов, пока она очухалась. Они оба еле выжили. Иеронимус лежал и вспоминал, как она слетела с катушек, и он был тому виной. И каким беспомощным он себя чувствовал!

Окна Падают На Воробьев.

Он уткнулся лицом в ладони.

Что с ней стало? Она была в жутком состоянии. Поверили ей родители? Наверное, он трус, раз не поговорил с ними сам? Да, он трус. Чуть ее не угробил, ему бы полагалось добровольно сдаться полиции, а он решил: какого черта, надо успеть на поезд. Проводил ее до гостиницы и рванул к ближайшей остановке метро. Он очень быстро бегал. Только вчера узнал, что в школе его прозвали Призраком, потому что он вечно мчится на уроки сломя голову. А вчера он бежал так, словно от этого зависела его жизнь. Он был уверен, что в полиции уже узнали о нарушении закона и начали охоту за ним, Иеронимусом. Нужно только успеть на поезд. Нет времени даже позвонить отцу – тот наверняка давно бушует из-за того, что Иеронимус пропадает неведомо где. Обязательно нужно успеть на поезд!

Он мчался мимо переполненных пьяными посетителями казино, мимо баров, где промышляют проститутки, мимо вонючих забегаловок и притонов с наркотой, мимо полуразрушенных останков лунного экспедиционного модуля, что когда-то, больше двух тысяч лет назад, впервые совершил посадку на Луну, мимо веселящихся толп, мимо красавиц-фотомоделей, отправляющихся за город со своими бойфрендами, мимо лимузинов, оживленных перекрестков, сверкающих афишами кинотеатров, мимо клубов, где гремит ритмичная безумная музыка, чуть притормозил, увидев стоянку такси, но вспомнил, что денег почти не осталось. Деваться некуда – только в метро, на самую что ни на есть криминальную ветку через Море Спокойствия. Отец предупреждал, чтобы ни в коем случае по ней не ездил, а теперь вот приходится. Быстрее, быстрее, лишь бы не опоздать на последний поезд, идущий в район Сан-Кинг-Тауэрс, где живет Иеронимус.

Он успел. Зато поезд всю дорогу тащился еле-еле. Душная, мерзкая развалина из обшарпанного пластика и растрескавшегося алюминия. Иеронимус добрался до дому в пять утра.

* * *

Окна Падают На Воробьев лежала в незнакомой постели и вспоминала. Полицейские разговаривали с ней то ласково, то грубо, особенно один странный следователь с лицом пластмассовой куклы и разными глазами. Еще бы не грубо, она ведь не хотела им помогать, и кукольный полицейский понял, что она врет, раньше, чем она произнесла хоть слово.

Она смотрела в потолок и никак не могла уснуть. Только задремлет, и сразу ни на что не похожий цвет выталкивает ее из того уютного места, где начинаются сны, и она садится на постели, задыхаясь от ужаса и блаженства, отчаянно стараясь еще раз увидеть тот цвет. А потом вспоминает того мальчишку и опять начинает плакать.

Родители жутко разозлились, когда она явилась посреди ночи в таком виде, словно ее переехала протекающая цистерна с мазутом, и явно в неадекватном состоянии: не могла закончить ни одной фразы, а на вопросы, где ее носило, отвечать отказалась наотрез. Мама раскричалась на отца: он, мол, отпустил дочь одну бродить по этой ужасной, кошмарной Луне. Отец вызвал полицию – он был уверен, что на дочку напали какие-то бандиты и, может быть, заставили принять наркотики. Полицейские мгновенно узнали характерные признаки: девочка подверглась воздействию четвертого основного цвета. Она все отрицала, и для несчастного семейства землян вечер из просто страшного превратился в чудовищный, так как полицейские повели себя резко и крайне невежливо. Им сообщили, что в парке аттракционов заметили стопроцентно лунного мальчика с девочкой, похожей по описанию на эту. Полиция постоянно приглядывает за стопроцентниками – как раз на такой вот случай.

– Если бы я не показал тебе свои глаза, ничего бы этого не случилось.

– Ну и пусть.

– Ты уверена?

– Да. И потом, это же я тебя уговорила. Правда, я почти ничего не помню. И цвет твоих глаз не помню. А жаль.

– Его невозможно запомнить. В мозгу срабатывает защита.

– Как грустно.

– Нет. Грустно то, что мы больше никогда не встретимся.

– Не верю!

– Я увидел это, когда ты сняла с меня очки.

– Значит, ты ошибся.

– Я никогда не ошибаюсь. Хотел бы, но не могу.

– Давай проверим!

– Как?

– Договоримся встретиться завтра в восемь на этом самом месте.

– Завтра вечером тебя уже не будет на Луне. Ты будешь возвращаться на Землю на мега-крейсере.

– А вот и нет! Мы улетаем с Луны в воскресенье утром. И полетим не на Землю, а к Сатурну. Завтра я еще буду здесь. Приходи, увидишь.

– Мы не встретимся. Случится нечто совсем неожиданное, и вам с родителями придется вернуться на Землю.

– Не может такого быть! Ты все неправильно предвидишь.

– Тут не предвидение, а просто факт. Цвет, который я вижу, существует вне линейного потока времени. Я вижу как бы тень будущих событий. Их уже нельзя изменить…

– Обещай, что встретишься здесь со мной завтра вечером!

– Я не могу обещать то, чего совершенно точно не будет.

– Все равно! Обещай, потому что мы поцеловались!

– Обещаю: я приду завтра в восемь.

Сидя в постели, она закрыла лицо руками. Почти все, что он тогда говорил, сбылось. После ужасного скандала родителей с полицией туристическая поездка развеялась как дым. Ее просто отменили. Иеронимус оказался прав: их возвращают на Землю. Если бы только она не оскорбила того следователя с потным пластмассовым лицом, ей, может, разрешили бы остаться с родителями. А теперь она здесь – в комнате со стальными стенами и кучей каких-то механизмов. Она не назовет его имя. Никогда! Чудесное, необыкновенное имя. Они поняли, что она видела глаза стопроцентно лунного, это у нее на лице написано так же ясно, как тоска погибельной влюбленности. Они здесь в своем мире, и они все поняли, но имени от нее не добьются. Она – женщина с Земли-матушки, и тайну его имени, словно любимое дитя, ни за что на свете не отдаст жалким обитателям спутника с искусственным климатом, а особенно тому странному, слегка невменяемому типу с искусственной кожей и тревожными глазами, из которых один – ненастоящий. А вот на Землю возвратиться придется, раз выгоняют.

Она зажмурилась и постаралась напрячь память.

Первичный, основной цвет. Как красный. Как синий. Как желтый. Только без названия.

Воспоминание ушло безвозвратно.

Цвет не вспомнить, зато память сохранила поцелуй. А теперь и это воспоминание отравили.

Перед поездкой на Луну подруга прислала ей нашумевшую статью. Автор, журналист Уоррен Глэдпони, славился своим пламенным красноречием…

НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ СМОТРИТЕ ИМ В ГЛАЗА!

> У вас в мозгу произойдет короткое замыкание. Все палочки и колбочки в сетчатке вашего глаза сойдут с ума, пытаясь воспринять цвет, стоящий вне обычного спектра, образованного красным, желтым и синим оттенками. У вас наступит временное помешательство, начнутся галлюцинации. Вы будете беспомощны, как только что родившийся младенец. Это случится с каждым, кто попробует взглянуть на четвертый основной цвет. Насколько известно науке, цвет этот встречается исключительно в глазах у небольшой части лунного населения. Таких людей – если их вообще можно считать людьми – по сложившейся традиции называют «стопроцентно лунными». Сложный вопрос – какое место эти существа занимают по отношению к человечеству. Мало того, что в их глазах таится отвратительный цвет, который калечит при одном лишь взгляде на него; эти демоны, эти исчадия ада обладают способностью различать четвертый основной цвет в окружающем нас пространстве. От вас это скрывают. Земное и лунное правительства не хотят, чтобы об этом стало известно. Утверждают, что четвертый основной цвет – вымысел, что его не бывает в действительности. В то же время лунные власти установили

закон, обязывающий нечеловеческую часть населения Луны постоянно носить защитные очки, фильтрующие цвет, которого якобы не существует. По крайней мере, очки служат предупреждением. Если вам, на ваше несчастье, придется побывать на Луне, всеми средствами уклоняйтесь от общения с теми, кто их носит. Этим людям нужно бы запретить появляться в общественных местах. Всего один мимолетный взгляд на их противоестественные глаза приведет к психическому и физическому расстройству. Ваш мозг отключится. На какое-то время вас охватит безумие.

Созерцание этого цвета настолько травматично, что в вашем сознании произойдет перезагрузка, в ходе которой будут стерты все воспоминания об ужасном опыте. Разум отвергает их, иначе он не сможет снова нормально функционировать.

И это еще не все! Документально зафиксированный факт: опасные твари, воспринимающие четвертый основной цвет, видят проекцию будущего. Измерение, в котором существует новый цвет, не подчиняется обычному ходу времени. Эти демоны видят остаточный след четвертого основного цвета, как бы тень любого движения, совершающегося как в прошлом, так и в будущем.

Избегайте их! Бездействие правительства просто возмутительно. Этих мерзких выродков следовало бы отлавливать и истреблять. Уничтожить их всех поголовно, пока они не уничтожили нас.

Она не стала дочитывать статью. Все равно там не было ничего, кроме отвратительной истеричной демагогии. Результат получился как раз обратный: статья еще больше разожгла ее любопытство. Ходят ведь и другие слухи: будто бы только стопроцентно лунные могут быть пилотами мега-крейсеров.

* * *

Иеронимус снова вылез из постели. Дико болела голова. Комната у него была не очень большая: кровать, письменный стол, четыре стены, окно. Иеронимус взглянул на высотные башни за окном, и тут на него упала тень. Очередной мега-крейсер с Земли. Иеронимус подумал было, не на этом ли крейсере она улетает, и тут же сообразил, что этот, скорее всего, идет на посадку.

Небо отливало красным. Терраформирование Луны проводилось не больше тысячи лет назад, но кто-то ухитрился при этом здорово напортачить с искусственной атмосферой. Говорят, на Земле можно определить время суток просто по оттенку неба – то светлее, то темнее, то середка на половинку. А здесь небо всегда одинаковое: тускло-красное, точно в преисподней. И под красным небом исчерченный неоновыми огнями пейзаж. Все здания на этой стороне Луны сплошь покрыты неоновыми светящимися трубками, в том числе и высотка, где живет семья Иеронимуса. Непонятно, почему именно неон, – такую эстетику выбрали сотни лет назад. Никто уже не помнит, как принималось решение. Причина затерялась в веках.

Колибри тучами кружились вдалеке. На Луне водится только один вид птиц: колибри. Прочие не выживают в искусственной среде, а этим хоть бы что. Они огромные – взрослая птица размером с хорошую собаку. Громадные стаи летают над городами и над незаселенными территориями, они живут повсюду и даже в норах под поверхностью. И все до единой белые, как высушенная кость. Лунно-белые. Бесцветные, парящие в воздухе птицы, точно сновидение. Колибри не брезгуют падалью, а их длинные клювы прекрасно приспособлены

выискивать съедобные кусочки на помойках. Случается, они бесшумно влетают в дома и воруют еду прямо со стола, стоит только отвернуться.

С большого расстояния летящая стая колибри напоминает белого дракона размером с мега-крейсер, кружащего в небе, постоянно меняющего форму – то рассыпающегося, то возникающего вновь.

На обратной стороне Луны тоже есть колибри.

А еще там есть тюрьма. Специальное, секретное место заключения для стопроцентно лунных мальчиков и девочек, мужчин и женщин, которые нарушили закон – и не просто какой-нибудь закон, а ровно один, запрещающий преднамеренно показывать обычному человеку свои глаза.

Никому не хочется на обратную сторону Луны. Там практически пустыня – ни домов, ни городов, ни поездов. Ничего нет. Горстка исследовательских станций, где трудятся немногочисленные ученые. Одно-единственное шоссе под номером ноль. Пастбища диких животных. Странные фермы, обслуживаемые роботами, потому что люди там жить не могут. Луна состоит из контрастов: на той стороне, что обращена к Земле, перенаселенность, урбанизация и неоновый блеск, на другой – темно, пусто, царство теней и страха. И еще тюрьма.

Если бы земная девочка его выдала, он уже был бы там.

Пора начинать дневные дела. Он стал искать во что бы одеться. Увы, любимая белая пластиковая куртка погибла. Он оставил ее валяться на полу вместе с прочими вещами. Откопал рубашку – мятую, но сравнительно чистую. Извлек из-под кровати скомканные брюки, всего однажды надеванные. Потом двадцать минут отыскивал пару одинаковых носков.

На цыпочках вышел в коридор, направляясь в ванную. Придется долго торчать под душем, пока смоешь с себя всю эту мазутно-бензиновую пакость.

Стараясь не шуметь, миновал родительскую спальню. Отец еще спал. Мама проснулась, лежала в постели и плакала. Это было привычно – она никогда ничего другого не делала.

Ее звали Барби. Она тоже была родом с Земли и всю жизнь проводила в слезах, не прерываясь ни на минуту. Иеронимус ни разу с ней не разговаривал. Если пробовал заговорить, она отворачивалась, вся сморщившись, заплаканная, бесконечно несчастная. Иеронимус много лет считал, что причиной всему ужасный закон – Постановление о карантине за номером шестьдесят семь, согласно которому родители стопроцентно лунных детей младше восемнадцати лет не имеют права покидать Луну. Иначе говоря, мама плачет из-за него.

Ринго не хотел, чтобы Иеронимус так думал.

– У мамы свои причины. Ты здесь ни при чем. Это не связано с тем, что мы живем на Луне. Она и на Земле была такая. И давно.

Однажды Иеронимус спросил:

– Пап, тебе не кажется, что ее нужно показать психиатру? По-моему, ей очень плохо.

Ринго пожал плечами, как делал всегда, если нужно было уйти от ответственности, – это он умел мастерски.

– Нет, – ответил он. – Она не очень страдает. Просто у нее сейчас трудная полоса в жизни.

Иеронимус не поверил отцу и пришел к вполне естественному выводу, что трудная полоса началась в тот день, когда он появился на свет.

Врач держал его вниз головой.

Еще прежде чем шлепнуть измазанного в крови и слизи младенца по попке, врач понял, что ребенок не совсем обычный.

Он поднял новорожденного повыше, посмотрел на сморщенное личико и сейчас же зажмурился, резко отвернувшись, как человек, внезапно оказавшийся на краю километровой пропасти.

Лицо его затуманилось. Вздох, исполненный неимоверной печали, подготовил всех присутствующих к тому, что им предстоит услышать.

– Мадам, – сказал врач, – ваш сын – стопроцентно лунный мальчик.

Барби и без того уже плакала, так что в ее поведении ничего не изменилось. А вот медсестра не сумела побороть любопытства.

– Как так? – воскликнула она, выхватив из рук доктора перевернутого младенца. – Дайте посмотреть…

Все произошло очень быстро. В такие мгновения реакция у всех бывает разная. Медсестричка, Окселендра Марлинь, оказалась совершенно неподготовленной, и врач позже винил себя, что не проинструктировал своих сотрудников на случай, если новорожденный окажется *из этих*.

Медсестра заглянула в крохотные, широко раскрытые глазенки и увидела… цвет, которому не существует названия. Не просто смесь других оттенков. Совершенно новый основной цвет.

Ее вдруг охватил неописуемый ужас. Показалось, что ее грудная клетка вдавилась внутрь, сминаясь, точно бумажный пакет. Кто-то забрал у нее ребенка. Медсестра упала на колени, упираясь ладонями в керамические плитки пола. Ей вдруг вспомнилась молитва, слышанная еще в детстве, и она запела.

Иисус и Пикси, славы час настал!
Пикси, Пикси, Божья фея,
Мчусь я сквозь огонь и воду
И разбитые обломки бешеных автомобилей.
Видит он цвет соленой крови,
Из очей его демоны взирают.
Смотрите! Глаза его привычный свет убивают…

Внезапно свихнувшаяся медсестра, прервав свою странную молитву, обхватила голову руками, пытаясь одолеть неподвластный рассудку страх, который заставил ее преклонить колени перед беспомощным младенцем. Что они понимают, все эти люди? Ведь они не видели его глаз! Казалось бы, нормальные глаза, и зрачки расположены как надо. А цвет… Одновременно страшно яркий и как будто из пустоты. Она подумала: вот что чувствует слепой от рождения, внезапно прозрев. Нет. Слепой бы понял. Скорее, так чувствует собака. Зверь, живущий в черно-белом мире, вдруг увидел разноцветную вспышку – и не способен охватить ее разумом. Совсем не похоже на желтый! Ни на синий, ни на красный не похоже нисколько! Ничего общего с зеленым, или с оражневым, или с фиолетовым! Новое! Новое!

Голова болела нестерпимо. Врач, другие медсестры – все стали нестерпимы. А ребенок… нестерпим бесконечно. Несущий свет, но свет этот – из бездны. Все вокруг него поблекло. Ужасные люди, столпившиеся возле ужасного младенца, превратились в тени, а потолок напоминал ведро с горючим. В ранней юности медсестра опалила ресницы и брови, заглянув в ведерко с горючим, которое неожиданно вспыхнуло, и сейчас, глядя в потолок, она думала: «Скоро ли оно опять загорится?» Увы, все уже сгорело, она увидела цвет, о котором шептались втихомолку, а она не знала, о чем речь, и никто не знал. Никто ни на Луне, ни на Земле понятия не имел, что это за цвет. Могли только прятаться от него. Делать вид, что его не существует. Не давать ему имени.

Она услышала голоса. Какие-то люди вошли в палату, и среди них один, высокий, она его знала, когда работала в операционной на сороковом этаже. В своем нынешнем состоянии она только различила знакомый голос и ощутила смутное доверие, когда человек подошел ближе. Возле него маячили еще какие-то люди. Он заговорил глубоким, низким голосом:

– Окселендра, Окселендра, дыши глубже, не делай резких движений. Это пройдет, Окселендра. Так бывает со всеми, в первый раз и каждый раз. Через минуту ты снова станешь самой собой, главное – дыши глубже. Воспоминание уже потихоньку слабеет, Окселендра, мозг не в состоянии удержать образ, который ему недоступен. Хочешь, я тебе расскажу, милая Окселендра, как я сам впервые увидел этот цвет? Приляг здесь на полу, вот так. Мне было двенадцать, а у моей сестры был приятель, очень жестокий, тоже из этих. Он надо мной подшутил: снял очки и заставил смотреть ему в глаза, и я увидел этот цвет и забился под стол. Дело было в ресторане. Кончилось все хорошо, я пришел в себя и пожаловался в полицию, и жестокого приятеля услали далеко-далеко…

Окселендра Марлинь сжалась в комочек под окном. Она уснула, и никто не решился ее потревожить.

Врач ушел. Барби по-прежнему плакала, и другая медсестра гладила ее по голове, что была прикрыта бумажной шапочкой, промокшей от слез. Щуря заплаканные глаза, Барби смотрела, как уносят прочь ее малыша. На него уже надели крошечные детские защитные очки.

Вдоль стен коридора тянулись бесконечные неоновые трубки. Примерно через каждые двадцать метров приходилось останавливаться – неон был Ринго не в новинку, но на Луне им явно злоупотребляли, так что иногда начинала кружиться голова. Ринго злился на себя за то, что не присутствовал при родах. Может, при нем Иеронимус как-нибудь все-таки родился бы нормальным, с карими или там голубыми глазами, и не пришлось бы вплотную столкнуться с чем-то огромным и неведомым. А он пропадал на своей проклятой работе. На датчиках гидродинамического преобразователя частиц как раз замигали красные лампочки. Если бы Барби и позвонила ему (а она не позвонила, она давно перестала общаться с кем бы то ни было), даже если бы он узнал, что у нее начались схватки, все равно не смог бы прийти.

Он был одним из тридцати семи физиков, единственных на Луне специалистов по ульзаталлизину, способных управлять процессом гидроэкстрации с использованием атомных реакций. Уйди он в такой серьезный момент, когда с ускоряющих блоков поступил тревожный сигнал, – это бы означало немедленное расторжение контракта. И поделом, поскольку так поступить мог только абсолютно безответственный эгоист.

Четыре года назад его коллега, занимающий точно такую же должность, в такой же ситуации ушел с рабочего места. Произошедшая в результате катастрофа унесла жизни четырехсот пятидесяти восьми рабочих, тридцати инженеров, двух десятков административных работников и шести тысяч обитателей жилого комплекса, расположенного над глубинной станцией добычи и переработки ульзаталлизина. И все из-за дурацкой халатности – сотрудник решил сбегать домой, посмотреть чертову трансляцию матча по телеболу между командами «Тихо» и «Изобилие». Сотрудника уволили. Позже он покончил с собой. Ринго эта история поразила до глубины души. И все же ему упорно мерещилось, что его отсутствие в родильном покое стало последней каплей, толкнувшей его сына в ту часть лунного населения, кому закон повелевает носить, не снимая, кошмарные уродливые очки.

Ринго вошел в палату. Как и в коридоре, здесь ярко горели неоновые лампы. Барби лежала на боку и плакала. Глаза ее были закрыты. Ручейки слез, по одному с каждой стороны, промочили подушку насквозь. Это было привычно и хоть немного утешало. Барби всегда плакала. Если бы Иеронимус родился нормальным, она бы плакала точно так же.

Слезы день за днем.

Она ненавидела жизнь на Луне, хотя и на Земле не была особенно счастлива.

Ринго склонил голову, глядя на жену.

На Земле…

Которая вдруг стала для них запретной.

Не то чтобы он очень спешил вернуться. С тех пор как они с Барби переехали на Луну, он побывал на родной планете только однажды. Один короткий визит за целых три года.

Но теперь…

Постановление о карантине за номером шестьдесят семь.

В течение восемнадцати лет им нельзя покидать Луну. Прежняя жизнь на Земле вдруг показалась мимолетным, полузабытым сном. Словно это было миллионы лет назад. Неясные, поблекшие картинки разом отдалившегося мира. Учеба в университете… На одном из семинаров Барби сидела через две или три парты от него. У нее были ярко-рыжие волосы. И еще акцент. Ринго все спрашивал, откуда она родом, а Барби долго не хотела рассказывать. Их первый поцелуй. Совсем рядом ветер повалил дерево, и они бегом вернулись на вечеринку, с которой сбежали, совершенно уверенные, что их любовь – это судьба.

Он говорил, что Барби – дурацкое имя. А сам-то? Ну что это за имя – Ринго?

Кухонная плита без конца ломалась. У них умерла кошка, и Ринго закопал ее на поле за домиком, где они жили, пока он заканчивал учебу. Барби написала роман; его опубликовали. Она получила диплом по специальности «Обратимое хлорирование» и поступила на работу в геологический институт. Коллега по имени Филби пытался ее соблазнить и был жестоко бит – Ринго в то время был очень ревнив. Потом они подружились, и Филби взял в жены сестру Ринго. У Ринго были совсем черные волосы, а глаза медно-карие. Бархатно-карие, говорила Барби. Они ей напоминали бархатный диванчик, на котором спала ее бабушка. Однажды он напился и сочинил неприличные стихи. Потом их уничтожил, чтобы жена не нашла. Желтый воздушный змей – ветер закрутил его и ткнул в землю. У них украли велосипеды. Отец Ринго погиб, попав в сель. Сколько у тебя было возлюбленных до нашей встречи? Несколько. Сколько это – несколько? Не помню. Никто из них не сравнится с тобой.

Иногда Луну называют булыжником.

Восемнадцать лет на булыжнике.

А для их сына все намного хуже.

Стопроцентно лунным не разрешается бывать на Земле. Совсем.

Обречен всю жизнь провести на Луне. Его сын – изгнанник. Навечно.

Барби наконец открыла глаза и тут же отвела взгляд. За окном нависало небо, окрашенное в цвет бесконечных искусственно-красных сумерек. Оно никогда не менялось. Ни дня, ни ночи, вечное не то, не сё. Новоявленным родителям были видны изукрашенные неоном небоскребы Саут-Олдрин-сити, гудящие бесчисленными крупинками человеческих жизней. Одинокая колибри подлетела к самому окну, потыкалась в стекло клювом – должно быть, надеялась получить еду. Барби молча смотрела на нее, и птица в конце концов улетела. В одном из далеких небоскребов, как видно, отключили электричество: он стоял пустой и темный среди пестрых городских огней.

Барби чуть-чуть повернула голову, всего на пару сантиметров, глядя на грязновато-бурую Землю.

Шарик, покрытый мерцающими огнями, дымом и хламом. Досадное недоразумение. Пример, каким не должен быть уважающий себя мир.

Восемнадцать лет.

Разглядывая больную планету, Барби услышала, что кто-то вошел. Ей было совсем неинтересно, кто это. Безразлично даже, мужчина или женщина. Она по-прежнему смотрела в окно, а если до ее ушей долетали обрывки разговора, она к ним не прислушивалась.

– Да, – сказал Ринго, – нашего сына зовут Иеронимус.

– Очень красивое имя, – улыбнулась женщина социальный работник. – Это вы его выбрали или ваша жена?

В голосе Ринго звучала привычная усталая покорность. Он чуть помялся, как будто что-то скрывал. Словно ему и хотелось об этом рассказать, но он просто не мог.

– Я сам выбрал. Моей жене в последнее время немного нездоровится… Я спросил, как назовем ребенка, а она только отмахнулась. Не хотела ничего решать.

Подняв глаза, Ринго заметил, что дама из социальной службы сидит совсем близко. Ее зовут Джоэлленбекс, одета в костюм из алюминиевой фольги и шикарные туфельки из ярко-красного блестящего пластика, с вытисненными изображениями медвежат. На галстуке тоже рисунок медвежонка гризли. У дамы были большие черные глаза и черные волосы. Она улыбалась, а Ринго еле выдавил в ответ кривоватую ухмылку, и то лишь потому, что дама ему понравилась. Если бы не произвела никакого впечатления, он и смотрел бы на нее никак, совсем не улыбаясь.

– Почему вы назвали сына Иеронимусом? – Улыбка ее дрогнула, хотя осталась такой же искренней.

– А, ну, я, это… Подумал, может, она… – В его глазах блестели непролитые слезы. – Это имя для нее, понимаете ли… В общем, я не очень четко соображал, когда заполнял регистрационную карточку.

– Ваша жена осталась довольна вашим выбором?

– Вроде да. Я ей вчера сказал. Иногда нелегко понять, слышала она или нет. Сейчас спрошу. Барби! Тебе нравится, какое имя я выбрал для нашего сына?

Барби несколько раз подряд громко всхлипнула, вяло махнула ужасно бледной, словно бы неживой рукой и продолжала плакать, уткнувшись лицом в подушку. Ее уже не интересовали ни окно, ни пейзаж за ним с далекой башней, где отключилось электричество.

– Все нормально, – сказал Ринго, как будто жена каким-то образом сообщила ему нечто содержательное. – Ей нравится.

Джоэлленбекс все еще улыбалась, но уже не так искренне. После неловкой паузы она заговорила, чуть понизив голос:

– Ваш сын страдает лунарным офтальмическим символяризмом, сокращенно – ЛОС.

– Да, – еле слышно прошептал Ринго, – знаю.

Дама собралась произнести положенную в таких случаях речь – о том, что слухи по поводу ЛОС не соответствуют действительности, что мальчик сможет вести абсолютно нормальную жизнь, что из стопроцентно лунных детей вырастают вполне нормальные стопроцентно лунные взрослые. Они получают образование вместе с другими детьми, поступают на работу, женятся и выходят замуж. У них бывают дети. Они такие же граждане, как все, у них те же права, что и у прочих граждан. На Луне. Но она видела, что перед ней человек образованный. Его мало интересует статистика и явно беспокоит здоровье сына.

– ЛОС – это болезнь?

– Что вы, нет! Ваш сын совершенно здоров.

– Значит, с ним все в порядке?

– Вот именно.

– Если не болезнь, тогда что это?

– Мы не знаем. Первые случаи лунарного офтальмического символяризма появились около двухсот лет назад. Существуют несколько теорий, объясняющих причины его возникновения, но ни одна из них не доказана. Просто некоторые дети от рождения способны видеть четвертый основной цвет.

Это Ринго знал и так, хотя и не улавливал социальные и даже политические последствия столь абстрактной идеи.

– Не понимаю, почему вокруг этой ерунды столько шума? Мой сын может видеть несколько оттенков, которых мы не различаем. Ну и что? Значит, он чуточку менее дальтоник, чем остальное человечество, только и всего. Не пойму, зачем его заставляют носить эти безобразные очки, и особенно непонятно, почему он осужден прожить всю свою жизнь на Луне. Вы сами сказали, что это не болезнь. Он здоров!

Джоэлленбекс подождала, пока Ринго немного успокоится. Вообще-то они с женой восприняли известие сравнительно мирно. Две недели назад во время такого же разговора в Бразерсофтанге супружеская пара набросилась на нее с кулаками. Не могли смириться с цветом глаз своей дочери. Сейчас оба в тюрьме, а девочка в приюте. Муж раньше был управляющим банка в Гамлетвилле, жена – представителем корпорации C.R.Z. на Луне. Оба были коренными лунниками, а реагировали не лучше какого-нибудь землянина, впервые узнавшего об этом явлении.

Ринго заметил, что дама держит в руках зонтик. Он три года не видел зонтика.

– Зачем вам зонт? На Луне не бывает дождя.

– Знаю, – улыбнулась она. – Это мне муж привез с Земли. Там вода падает с неба… Муж использовал этот зонт для защиты.

– Можете мне поверить, ничего в этом нет замечательного. Чертовски неудобно, если попадешь под ливень.

– Дождь… Планета, где с неба льется вода. Мне трудно такое вообразить!

– Значит, вы не бывали на Земле?

– Я там родилась. Мы переехали на Луну, когда мне было всего несколько недель отроду.

– Ну, вы немного потеряли. А дождь сильно переоценивают. Он полезен только для фермеров, и те говорят, что он воняет.

– Поэтому и нужно брать с собой зонтик!

– Здесь, на булыжнике, он вам не понадобится.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О КАРАНТИНЕ № 67

Согласно закону, все граждане Луны обязаны подчиняться нижеперечисленным правилам. Невыполнение этих правил карается в соответствии со статьей 4898 Лунного Уголовного кодекса.

Настоящим постановлением всем гражданам, являющимся носителями лунарного офтальмического символяризма (в дальнейшем – ЛОС), вменяется в обязанность не покидать пределов Луны. Любые действия, направленные на то, чтобы посетить Землю или терраформированные колонии на Марсе и Венере, Конфедерацию тридцати семи астероидов, Лигу спутников Юпитера, Сообщество спутников Сатурна и любую другую обитаемую или необитаемую колониальную единицу в пределах Солнечной системы, будут караться тюремным заключением сроком не менее двадцати пяти лет.

Лунные граждане – носители ЛОС, совершившие попытку нарушить государственную планетарную границу Луны, понесут уголовное наказание.

Проживая на поверхности Луны и находясь среди местного населения, лунные граждане – носители ЛОС обязаны соблюдать следующие правила поведения.

Постоянно носить защитные линзы системы Шмильядзано. Списки одобренных законом фирм-производителей можно получить в любой больнице, школе, в помещениях городского управления. Отказ от ношения линз Шмильядзано является уголовным преступлением.

ЗАКОН ЗАПРЕЩАЕТ показывать незащищенные глаза любому жителю Луны или иностранному гражданину. Нарушение этого пункта правил является ТЯЖКИМ уголовным преступлением, влекущим за собой соответствующую кару. Не допускается никаких исключений, в том числе для родных, близких друзей и супругов.

Преднамеренная демонстрация глаз носителем ЛОС с точки зрения закона приравнивается к вооруженному нападению.

Закон запрещает любые попытки визуально воспроизвести так называемый четвертый основной цвет.

Закон запрещает обсуждать вопрос о существовании так называемого четвертого основного цвета.

Так называемого четвертого основного цвета не существует.

Ринго бросил читать ужасный документ, который ему вручила вежливая дама из социальной службы, и запустил пальцы в густую черную шевелюру.

– Как можно принимать такие законы? Почему люди не протестуют? Почему?

Джоэлленбекс пожала плечиками: нечто среднее между сочувствием и долготерпением, с добавкой хорошо скрытого презрения.

«Никого это не волнует, пока самих не прижмет, – ответила она мысленно. – И вы не исключение, мистер Рексафин. Вам же было глубоко плевать, пока вашей семьи это не коснулось. Возмущались ли вы, когда закон применяли к другим? Ох, вряд ли! А вот теперь случилось и с вами…»

Неисправная неоновая трубка на стене зашипела и замигала. Джоэлленбекс начала следующую часть своей речи. Она уже говорила все это раньше и давно выучила наизусть. Пустая формальность, не более. Она ненавидела себя, произнося привычные слова.

– Первый официально документированный случай лунарного офтальмического символяризма отмечен двести семнадцать лет назад. Девочку звали Элеонора Биай. Она дожила всего до девяти лет. Ее убили жители родного города. Мать ее еще раньше покончила с собой, отец превратился в слабоумного. Никто не понимал, почему необычный цвет глаз девочки повсюду приводит к несчастьям, и в первую очередь у нее дома. Вероятно, вам известно о том, что произошло при рождении вашего сына. Медсестра посмотрела ему в глаза, и ее нервную систему замкнуло на глубинном уровне восприятия. Такого цвета в принципе не может существовать. Человеческий разум и весь организм в целом его отвергают. Происходит сильнейший когнитивный диссонанс. Реакция медсестры была вполне нормальной. Для нашего мозга зрение – важнейший канал восприятия окружающего мира, но глаз – всего лишь орган, состоящий из обычных живых тканей. Миллионы лет люди, как и, по всей вероятности, их предки-животные, взаимодействовали с миром, опираясь всего лишь на три основных цвета: желтый, красный, синий. Четвертый основной цвет грубо нарушает эту тройственную базу. Сознание не в силах охватить четвертый основной цвет, особенно при непосредственном столкновении с ним, поэтому оно создает самые невероятные объяснения его существованию. Вполне разумные люди готовы верить самым неправдоподобным мифологизированным и религиозным версиям. Поначалу кое-кого из стопроцентно лунных людей считали богами или полубогами. Других объявляли слугами сатаны или даже самим дьяволом…

Ринго не мог больше этого слушать. То, что говорила милая дама из социальной службы, чем дальше тем больше становилось похожим на жуткий псевдонаучный бред религиозного фанатика. На середине фразы Ринго встал и вышел из комнаты.

Джоэлленбекс бросилась к двери и успела заметить удаляющуюся спину в конце ярко освещенного коридора.

– Мистер Рексафин! Подождите!

Он оглянулся, поворачиваясь всем телом, словно деревянный. На его щеках блестели дорожки слез, которые он до сих пор каким-то чудом сдерживал.

– Мистер Рексафин, я не закончила! Вам нужно еще кое-что узнать и рассказать об этом сыну, когда он подрастет.

Карие глаза Ринго смотрели обреченно.

– Сэр, мне тяжело говорить, но это правда, и ваш сын должен ее знать. Это очень важно. Ваш сын ни в коем случае не должен дружить с другими детьми, у которых ЛОС, и вообще не должен общаться с такими людьми. Никогда. Граждане – носители ЛОС должны избегать себе подобных ради собственного блага.

– Почему? – еле слышно прошептал Ринго.

– Если двое людей с лунарным офтальмическим символяризмом посмотрят друг другу в глаза, не прикрытые защитными очками, они…

– Полюбят друг друга, как обычные люди? – спросил он с горечью.

– Нет. Они умрут.

Лунарный офтальмический символяризм встречается редко, но такие случаи отнюдь не единичны. Он постоянно витает вдали, словно древний призрак с темной, необитаемой стороны. Он в любую минуту может влететь в открытое окно. Выберет себе жертву и закует в кандалы. На этот раз он выбрал Иеронимуса Рексафина и приказал ему: останься здесь навсегда. Дыхание призрака древнее, чем лунные кратеры, давно уже заполненные водой от растопленных комет.

Глава 2

Она была хорошим другом.

Защитные очки у нее были ничуть не уродские – в стильной прозрачной оправе. И еще она красила волосы в синий цвет, сколько Иеронимус ее помнил, то есть с третьего класса. Девочка с ярко-синими волосами.

Все последующие школьные годы волосы у нее не менялись, всегда оставались синими. Еще и в рифму с именем: Слинни. Многие звали ее Синяя Слинни. Прозвище такое.

Все знали: она – девочка с синими волосами.

Для нее было очень важно, что люди обращают внимание именно на волосы.

А не на то, что она – стопроцентно лунная.

Слинни Мемлинг было шестнадцать, как и Иеронимусу. Из двух тысяч учеников их школы всего пятеро являлись носителями лунарного офтальмического символяризма, но они никогда не разговаривали друг с другом. Люди в защитных очках шарахались от себе подобных то ли по привычке, то ли в силу какого-то инстинкта, а может, сказывались две сотни лет психологической обработки. К тому же в глубине сознания постоянно маячила грозная тень. Посмотреть друг на друга без очков – смерть. Высшая кара за дерзость воображения.

Все они стыдились самих себя. Непонятный, пугающий цвет глаз, скрытых защитными очками, каждую секунду напоминал о том, кто они такие.

Слинни была исключением. Цвет волос, шикарные (импортные, земного производства, итальянские) очки и яркая личность помогли отодвинуть на задний план клеймо стопроцентной лунности. Его заслонил придуманный Слинни образ. Все получилось как нельзя лучше: первым делом замечали синие волосы. А пижонские очки воспринимались не иначе как модный аксессуар.

«Серьезно, что ли? Синяя Слинни – стопроцентно лунная? Надо же! Никогда бы не подумал!»

Она была высокая, эффектная, веселая. И отличница к тому же.

Все мальчишки были в нее влюблены.

Иеронимус уже забыл, зато Ринго помнил, как его сын пришел домой из школы:

– Пап, у нас в классе такая красивая девочка! У нее синие волосы, а еще она такая же, как я. Тоже носит защитные очки…

Ее обаяние и на Иеронимуса действовало, только он эти мысли задвинул поглубже, злясь на себя, что позволил их дружбе перейти в чересчур доверительную, хоть и платоническую близость, почти как между братом и сестрой. Втайне она ему самую чуточку нравилась, но было поздно. Отношения уже обозначились: она его хороший друг – и только. Так все и оставалось. Может быть, к лучшему.

Все же при случайных встречах на улице или в школьном коридоре, или когда их прижимало друг к другу в переполненном вагоне метро, Иеронимус не мог отделаться от назойливых мыслей, вползающих в мозг, подобно привидениям: «Конечно, это неправда! Мы не умрем! Нам можно! Можно смотреть друг на друга! Что мы увидим, если посмотрим друг на друга без очков?»

Наверное, они оба думали об этом, только вслух никогда не говорили. Когда Иеронимус и Слинни оказывались рядом в классе, в столовой или в библиотеке, другие ученики таращились на них, но тут же отводили взгляд. Редкий случай: двое очкариков разговаривают друг с другом.

Если бы не очки, Иеронимус был бы почти нормальным, типичным старшеклассником. В типичной средней школе. В типичном жилом районе Луны. Почти.

Но.

Он вел совершенно удивительную двойную жизнь.

Однажды на родительском собрании школьный психолог назвал его отцу научный термин: «Тяжелый случай ученической шизофрении».

– По некоторым предметам ваш сын учится превосходно. Литература, например. По античной литературе он обогнал всех прочих учеников. Ему бы стоило взяться за университетский курс, чтобы не заскучать. Выдающиеся успехи по истории. По философии он мог бы сам вести уроки. Просто поразительно, у вашего сына задатки великолепного исследователя в области гуманитарных наук.

Ринго рассмеялся:

– Это же чудесно!

Он был готов стоять на голове от радости и откупорить бутылку шампанского.

– Вы правы, мистер Рексафин, это действительно чудесно…

– Здравствуй, Гагаринский университет!

Ринго победно вскинул кулак, а психолог от смущения густо покраснел.

– Постойте, сэр, это не все…

Дальше разговор покатился под гору. Конечно, Ринго винил себя. Он, физик и математик, не сумел передать сыну способность к точным наукам. Из-за этого бедный ребенок теперь страдает.

– Школа у нас государственная, существует на деньги налогоплательщиков Моря Спокойствия, и, согласно закону, мы вынуждены перевести Иеронимуса в специальный коррекционный класс для отстающих. По гуманитарным предметам он первый в классе, зато по математике и естественным наукам – в самом хвосте.

– В самом хвосте?

– Ниже некуда.

– Это ужасно!

– С такими отметками он не сможет закончить школу. Его даже в следующий класс не переведут. А в коррекционном классе его успеваемость повысится…

– Мой сын, в коррекционном классе… Кошмар!

– Он будет учиться по индивидуальному расписанию, один из всех учеников средней школы номер семьсот семьдесят семь. Половина уроков – среди самых блестящих, умненьких, пытливых детей, в классе для одаренных. А вторая половина…

Вечером Ринго попытался найти для Иеронимуса частную школу. Знакомый знакомого его знакомых был знаком с чиновником, который ведал приемом в Армстронговскую академию. Расстроенный отец не задумываясь проглотил свою гордость и после долгих муторных переговоров добился-таки собеседования.

«Весьма сожалею, сэр».

Затея провалилась по двум причинам. Во-первых, у них не было денег на плату за обучение. А если бы даже и были, все равно его сына бы не приняли. Почему?

«Весьма сожалею, сэр. За долгие годы работы в приемной комиссии я впервые вижу настолько низкие оценки по математике и естественным наукам».

Открыв дверь, висящую на одной петле, Иеронимус мгновенно привлек к себе общее внимание. В классе царил жуткий беспорядок. Опрокинутые парты, неописуемая вонь, хаос и гвалт, учителя нигде не видно. Все уставились на Иеронимуса: новенький, да еще в защитных очках. Он совершенно растерялся, окунувшись в непривычный, странный мирок анар-

хии, вызывающих нарядов и непонятного жаргона. Его тут же окружили. Первый учебный день в коррекционном классе начался бурно и стремительно.

– А правда, что ты, если снимешь очки, сможешь увидеть будущее?»

– Отпусти руку!

– Нет, правда, урод очкастый?

– Нет! Ничего похожего!

– Говорят, без очков ты можешь видеть какие-то такие цвета, каких другие не видят. И эти цвета показывают, кто где находился раньше и где окажется в будущем. Правда это, очкарик?

– Прекрати обзываться, дебил вонючий!

– Ты что сказал, очкарик?

– Руку отпусти, а то как врежу!

– Это ты-то мне врежешь? Задохлик очкастый, я на два года тебя старше! Я тебя по стенке размажу!

– Оставь меня в покое!

– В покое? Не-а, не оставлю, пока не покажешь нам свои хреновые глазки, а потом еще скажи, кто завтра выиграет, Грейтон или Вул, на кого ставить.

– Придурок, оно совсем не так действует!

– Не так? А как? Давай покажи!

Скандала не было. Дело успешно замяли, ведь Лестер никому не был особенно дорог, в том числе и собственным родителям. Они даже не явились в морг опознать тело. Прочие хулиганы, помогавшие стаскивать с Иеронимуса очки, от страха не смели и заговорить о случившемся. Обвинений Иеронимусу не предъявляли – в конце концов, очки с него сняли силой, да еще и в первый день в коррекционном классе. Учителя уволили – он как-никак отвечает за то, что происходит в классе, а сам сбежал от учеников. Иеронимусу было тогда четырнадцать лет. Дети в коррекционном классе были совершенно неуправляемые, у них уже сменилось несколько учителей, и никто не мог с ними справиться. По сути, это был не класс, не коллектив, а просто аморфная нестабильная масса. Здесь постоянно бушевала словесная и физическая буря. Могли ударить без предупреждения, со скуки, из вредности, от любви. Здесь правое и левое полушария не могли договориться между собой. Все непрерывно орали и насмехались друг над другом. Эти дети были до того несчастны дома, что в школе им даже нравилось, хоть они ее и ненавидели. Они дрались друг с другом и с учениками из других классов, они воровали, пили, кололись, садились в тюрьму, крушили все на своем пути, разрисовывали стены, бесконечно врали, они угрожали учителям, попадали в психушку, становились проститутками, сутенерами, бандитами, залетали, мечтали о дорогих шмотках и все случайно добытые деньги тратили на одежду, обувь, ювелирные украшения. Они жили на всю катушку, но они жили минутой, мгновением. Для них не было ни вчера, ни завтра. Они ничего не помнили и отвергали все, что не ведет к саморазрушению. Их бытие было неподвластно разуму; логика не могла и секунды продержаться, чтобы не потонуть в водовороте хаоса. Иеронимус оказался один среди целого класса этих деток. Они не давали ему шагу ступить. Хватали его за руки, угрожали, сорвали с него очки.

– Нельзя смотреть в глаза дьяволу! А у него дьявол в глазах. Все стопроцентные – черти. Они сами не знают, но это точно черти!

– Неправда! Я знаю, и ты знаешь, Лестер просто обкурился. Они с еще двумя лохами курили базз в подсобке, он перебрал и помер.

– Это в полиции так сказали, а я совсем другое слышал.

– Что ты слышал, ну что?

– Этот парень, который в очках, уже несколько человек угробил. Его в наказание к нам перевели.

– Да ну, не верю! Его, наверное, к нам сунули из-за плохих отметок по матике. Как и нас с тобой. У нас тоже с матикой полный песец.

– Спорим, все у него нормалёк с матикой! И вообще, эти очкастые кого хочешь могут убить, полиция и слова не скажет, потому что тут дьявол замешан. Дьявол всегда так устроит, что с виду все тип-топ. А потом, они убивают тех, кого и так не любят. Придурков вроде Лестера. Думаешь, по нем кто-нибудь скучает? Я его терпеть не мог, засранца. Я рад, что он сдох, но к очкастому и близко не подойду. Он одним взглядом убить может, у него дьявольский цвет в глазах!

– Слушай, у тебя уже завихрения.

– Может, и завихрения, но я всегда черта узнаю. Этот парень – он черт и есть. Его к нам прислали как приманку, вроде сыра в мышеловке. Чистку провести, поубивать уродов вроде Лестера, и ничего ему за это не будет, потому что его защищает дьявол в сговоре с нашим глюкнутым директором.

Иеронимус поскорее вернул очки на место и только тогда посмотрел, уже точно зная, что произошло.

Лестер – тот мальчишка, который требовал снять очки, – лежал на полу мертвый. Глаза его были широко раскрыты, на лице навечно застыло выражение дикого ужаса. Еще двое мальчишек медленно отползали на четвереньках. Один из них плакал и что-то неразборчиво бормотал, другой так же невнятно молился. На грязном линолеуме шахматной расцветки валялись опрокинутые стулья. Ползущий мальчишка остановился, обернулся и сел с совершенно опрокинутым лицом, отрешенным, как у снулой рыбы в магазине. Он завыл на одной ноте – громко и с таким отчаянием, какого Иеронимус никогда не слышал от человеческого существа. Другие ученики сгрудились у дальней стены, сами не свои от страха и в кои-то веки молча.

Иеронимус посмотрел на покойника. Нечто похожее случалось и раньше: к нему цеплялись, донимали, срывали очки… Только до смертельных случаев пока не доходило.

Вскоре прибыли директор школы, двое полицейских и судмедэксперт. Потом появился серебристый механический человек – робот-спасатель. Он вступил в класс грациозно, словно балетный танцор, обратил к перепуганным ученикам гладкое лицо, без глаз, рта и носа, и, тихо жужжа, принялся сканировать, измеряя пульс и оценивая состояние нервной системы – проверял, не слишком ли человеческие детеныши травмированы смертью одноклассника. Робот был такой блестящий, что в его лицо и тело можно было смотреться, как в зеркало. Судмедэксперт взял образцы крови у Иеронимуса, у погибшего и у тех двоих – второй забился в какой-то замызганный угол. Образцы поместили в небольшую портативную машинку для немедленного анализа.

Следователь пристально посмотрел на Иеронимуса и обратился к директору:

– Вы позволяете подобным тварям учиться вместе с обычными школьниками?

– Таков закон. Мы должны способствовать их интеграции в ученическую среду.

– Я впервые сталкиваюсь с тем, чтобы от этого умирали.

– От чего?

– Вы знаете, о чем я говорю.

– А, о цвете, которого не существует…

Следователь снова мрачно посмотрел на Иеронимуса. Иеронимус ответил таким же злобным взглядом. Следователь выглядел очень странно. Лицо его казалось потным и словно бы сделанным из пластика, будто кто-то попробовал слепить очень реалистичную маску, но ничего не получилось, потому что в маске оказалось слишком жарко и неудобно. Вышла жалкая подделка – лицо манекена с шевелящимися губами и злым, печальным глазом. От полицейского пахло ланолиновой мазью. В целом неприятное впечатление. Этого человека

никто не любил. Коллеги его терпеть не могли, но он был специалистом по таким именно случаям, как этот. В настоящую минуту лейтенанта Догуманхеда Шмета крайне беспокоило, что опасное существо с нечеловеческими глазами до сих пор не в наручниках.

Какой-то полицейский записал показания Иеронимуса. Других учеников тоже допросили, но они, само собой, дали двадцать пять абсолютно разных версий случившегося.

Да и какая разница, что думают эти малолетние психи? Все происшедшее фиксировалось установленной в классе камерой видеонаблюдения. На записи совершенно ясно видно, как Иеронимуса толкали, а потом набросились на него. Двое мальчишек держали стопроцентного за руки, а погибший, ученик по имени Лестер, стащил с него очки.

Судмедэксперт зачитал следователю результат анализа, появившийся на крошечном старомодном экранчике.

– Так, у покойника в крови отмечен высокий процент базза, а также незначительные следы Е-девяносто четыре. Разгулялся пацан… Все указывает на превышение дозы. Тех двоих нужно немедленно в больницу, а у очкарика все чисто.

Следователь спросил:

– Вы можете определить, чем вызвано превышение дозы у погибшего?

– Безусловно. Оно вызвано тем, что мальчик принял большую дозу наркотика под названием базз, да еще и смешал его с Е-девяносто четыре. Редкостная дурость.

Следователь ткнул пальцем в Иеронимуса.

– Видите вы это?

Судмедэксперт зачесывал реденькие черные волосы на лысину, как это веками делают мужчины, и очень тщательно подбирал слова.

– Я вижу мальчика, приблизительно лет четырнадцати.

– Вам известно, что здесь случилось. Будьте добры, отметьте в своем отчете, что, хотя очки были сняты непреднамеренно, именно четвертый основной цвет глаз спровоцировал действие наркотика в крови любителя острых ощущений, который сейчас отправится в морг.

– Официально четвертого основного цвета не существует.

– Мне безразлично, существует он, по-вашему, или нет. Я хочу услышать от вас подтверждение того, что передоз у мальчика был вызван четвертым основным цветом.

– Передоз был вызван приемом запрещенных наркотиков в большом количестве. В крови погибшего не наблюдается веществ, хотя бы отдаленно свидетельствующих о воздействии каких бы то ни было визуальных факторов. Я не намерен включать в отчет ненаучные подробности, которые не соответствуют истине и не могут использоваться при расследовании данного дела. К тому же с точки зрения закона четвертого основного цвета не существует.

Лейтенант Шмет недовольно обернулся к спасательному роботу.

– Белвин! Ко мне! – рявкнул он.

Белвин, серебристое чудо биоинженерии и хромированного минимализма, изящной походкой приблизился к лейтенанту.

– Слушаю, лейтенант Шмет.

– Белвин, просканируй, пожалуйста, мертвого мальчика и вон то существо в очках.

– Лейтенант, выражение «существо», строго говоря, не вполне верно с юридической точки зрения, когда речь идет о школьнике в защитных очках системы Шмильядзано.

– Ладно, неважно. Просканируй обоих и скажи мне, в какой мере смерть мальчика связана с тем, что он подвергся воздействию четвертого основного цвета.

– Прошу прощения, лейтенант, но основных цветов всего три: желтый, красный и синий.

– Белвин, ты знаком с таким явлением, как лунарный офтальмический символяризм?

– В известной мере. При проведении спасательных операций, если у жертвы пожара или другого несчастного случая окажутся очки системы Шмильядзано, мне предписано проследить, чтобы очки постоянно находились на лице. Мне непонятно, с чем связано подобное требование, однако я запрограммирован на строгое выполнение данной директивы.

– Не надо мне тут о пожарах! Белвин, будь любезен, просканируй кору головного мозга и зрительные нервы покойника. Имеются ли разрывы в перцептивной цепи, указывающие на травматичное воздействие четвертого основного цвета?

– Лейтенант Шмет, я рад помогать вам в любых спасательных операциях. Однако, боюсь, при сборе улик от меня мало пользы. Результаты моего сканирования лишь подтверждают вывод моего коллеги-человека: смерть школьника наступила из-за повышенного содержания запрещенных химических веществ в крови. Ваше предположение о том, что смертельная травма учащемуся нанесена неким невообразимым цветом, является сугубо гипотетическим, а с точки зрения закона – совершенно необоснованным. Мое взаимодействие с представителями человеческого рода регулируется положениями закона, согласно которым четвертого основного цвета не существует. Моему пониманию недоступно, как можно ссылаться на несуществующий цвет при проведении уголовного расследования. Я говорю это не просто как машина, а как машина, которой глубоко симпатична ваша любознательность при решении данной загадки. Сам я, не будучи живым организмом, цветов совсем не различаю, но, думаю, если бы различал, это стало бы для меня настоящим потрясением. Для меня цвета и оттенки – не более чем теоретические данные спектрального анализа, который, кстати сказать, убеждает меня в том, что основных цветов ровно три, как и положено по закону. Предполагая иное, вы сами нарушаете закон, и если будете упорствовать, возможно, вам придется арестовать самого себя за то, что ведете с гражданским населением разговоры о цвете, законодательно запрещенном к обсуждению.

Шмет, уставившись на робота, увидел на месте лица отражение собственной неприятной физиономии с разноцветными глазами, голубым и карим. Глаза двигались чуточку вразнобой, поскольку один был настоящий, а другой – искусственный. Настоящий глаз обратился к мальчику в защитных очках. Шмет мысленно завязал узелок на память – о рыбке, сорвавшейся с крючка.

Следующим в тот день был урок древней литературы. Обсуждали книгу Мелвилла «Белый бушлат», проводили сравнительный анализ этой книги с повестью Кредольфера «Ритм Скрона». Учительница очень хвалила Иеронимуса. И все другие ученики, такие умные, по-взрослому вежливые, восхищались тем, как он с ходу провел разбор этих классических произведений. Слинни тоже там была – она по всем предметам училась в классах для одаренных и всегда испытывала странную затаенную гордость, когда ее стопроцентно лунный друг принимался рассуждать о древних авторах, об удивительно современном звучании старинных книг, о красоте античного стиля и о том, как сочинения далекой древности увязываются с политическими, социальными и культурными особенностями нашей сегодняшней лунной жизни. Иеронимус даже процитировал по памяти несколько строк из «Белого бушлата» на языке оригинала, а потом сам же объяснил, что они значат в переводе. Некоторых учеников так пробрало, что они с трудом скрывали слезы, навернувшиеся на глаза.

Никто из них не думал о мертвом мальчишке, которого в эту самую минуту перевозили в центральный морг Моря Спокойствия. Никто и не знал о нем. Этого случая просто не было, как не было и четвертого основного цвета.

На следующий день, придя на урок в коррекционный класс, Иеронимус обнаружил, что о происшествии все забыли. Зато буйные одноклассники, никого и ничего не уважающие, старались держаться от стопроцентника подальше. Опасались. Он был то ли демон, то ли еще какой-то вурдалак, убивающий взглядом.

Если рассвирепеет, ему даже не нужно будет прикасаться к своему врагу – достаточно всего лишь посмотреть.

Прошло два года. Никто не знал о его двойной жизни. Иеронимус боялся до дрожи, что кто-нибудь, особенно Слинни, узнает о диагнозе «тяжелая ученическая шизофрения». Он мастерски уходил от ответа на вопросы вроде: «В каком ты классе по математике?» или «Слушай, где ты пропадаешь половину уроков?». И самый коварный вопрос: «Постой, а что ты делал на втором этаже, там же дебилы учатся?»

Дебилы.

Среди подростков принято придумывать всем обидные клички. Людей делят на категории, приклеивают ярлык, и он остается на всю жизнь.

«Это не тебя я видел в коридоре с дебилами?»

«А правда, у тебя брат-близнец – дебил?»

«Проходил вчера мимо дебильского класса и глазам не поверил: померещилось, что ты там сидишь».

Дебилами их называли все. Если ты учишься в *таком* классе, ты – дебил. Даже учителя употребляли это словечко. Однажды Иеронимус, зайдя зачем-то в учительскую, слышал, как преподавателю-почасовику объясняли: «Извините, сегодня вам придется вести урок у дебилов». Тот сразу принялся вздыхать и ругаться: «Конца-краю нет, опять меня угораздило, эти дебилы совершенно невыносимы, чтоб их всех феи побрали, не пойду, и все!» Он вылетел из учительской, и секретарше пришлось обзвонить еще несколько педагогов, пока не нашла замену. «Алло, это школа номер семьсот семьдесят семь, у нас преподаватель заболел. Вы сейчас свободны? Да? Вот хорошо! Нужно провести урок в классе двести сорок один… Да, верно, это класс для дебилов… Постойте, вы же только что говорили, что свободны!»

Никто не хотел учить дебилов. Некоторые педагоги и одного дня не выдерживали. Временные учителя уходили и больше не возвращались. За год в трудном классе, состоящем из трудных подростков, сменились не меньше пятнадцати педагогов. Это не считая бесконечного количества случаев, когда приходилось вызывать замену, потому что преподаватель просто сбегал с урока.

К счастью, большинство учеников семьсот семьдесят седьмой школы никак нельзя было отнести к дебилам. Иеронимус об этом отлично знал, но половину каждого школьного дня его преследовало ощущение, что он живет в мире, населенном дебилами. Их бешеные вопли по любому поводу, привычка поднимать кошмарный шум из-за каждого пустяка, неспособность усидеть на месте больше тридцати секунд подряд, постоянное обзывательство, невообразимый жаргон, весь этот вульгарный и неуправляемый дебильный мирок странным образом нашел себе место в сердце Иеронимуса. Стопроцентник потихоньку сам стал частью их жизни. Сидя в битком набитом классе, он занимал особое, привилегированное положение: он мог наблюдать, потому что его не трогали, а не трогали его потому, что он был демон-убийца.

Иеронимус единственный в классе делал домашние задания, вовсю пользуясь тем, что материал им давали совсем легкий, и получал вполне приличные отметки на контрольных и экзаменах. Постепенно от него перестали шарахаться, и он обнаружил, что у него даже завелись друзья в этом дурдоме. Были у них и положительные качества, которых не хватало ученикам в классе для одаренных. Например, дебилы никогда ничего из себя не строили. Они были до грубости честны. Не лицемерили, изображая хорошее отношение. За жестокостью, анархией и слезливой сентиментальностью скрывался свой кодекс поведения – кодекс дебилов. Через несколько месяцев Иеронимус начал понимать основные правила этого кодекса и научился общаться с одноклассниками. Это было увлекательно! Его начали считать «умником», и постепенно, очень постепенно, дебилы стали изредка спрашивать его о чем-нибудь,

связанном с учебой. С этих пор он сделался своеобразным посредником между учениками и очередным мимолетным учителем. Он стал в классе своим и даже получил дебильное имя. Дебилы недолго думая взяли и выбросили первые четыре слога имени «Иеронимус». Отныне он был просто Мус – дебил, который доказал, что проблема коррекционного класса не в домашних заданиях по физике и математике, а в том, как «хренов глюкнутый препод зырит на мои ботинки от EEE – он что, надеется и на свои кочерги найти такую же отпадную обувку?»

Когда его статус в мире дебилов поднялся на новую высоту, Иеронимус слегка забеспокоился, как бы его не разоблачили. Вдруг узнают, что он с ними только на половину учебного дня? Никто здесь не подозревал об уроках в классе для одаренных. Если тайна раскроется, рухнет с таким трудом завоеванный статус, добытый путем превращения из жертвы в демона, а из демона в нечто вроде репетитора.

Понятие «ученической шизофрении» дебилам явно недоступно. И все-таки что они сделают, если и вправду узнают? Ничего, конечно, им хватает своих забот – например, увернуться от колотушек отчима или раздобыть обалденные хромированные запонки, точно такие же, как у Блонзо Кланфора из «Альфатаун юнайтед». Вопрос в другом: «Вдруг дебилы перестанут мне доверять, если узнают, что я… что я ботан?»

Ботаны.

Отвратительная категория людей, которую дебилы ненавидят лютой ненавистью. Снобы. Воображалы. Вечно умничающие. Полная противоположность дебилам. Примерные ученики, во всем подражающие взрослым. Рассуждают логично и не стыдятся читать наизусть стихи по свистку учителя. Послушные, но способны ввязаться в спор с учителем, если он скажет глупость. Преподаватели их обожают, временные учителя дерутся за право провести урок в их классе – такая радость им редко достается, потому что постоянные учителя в классе отличников никогда не берут больничный.

Вот такие типы учатся в классе для одаренных. Иеронимус там – один из лучших.

– Мус! Это не тебя я видел вчера в аудитории с ботанами?

– Говорят, у нашего Муса есть брат-близнец, учится в классе ботанов! Вот это да!

«Ботанами» они не сами себя назвали, точно так же, как дебилы не сами заклеймили себя «дебилами». Прозвища придумали середнячки, то самое подавляющее большинство школьников, которых нельзя причислить ни к дебилам, ни к ботанам. У Иеронимуса не было знакомых середняков – он держался крайностей.

Середняки, безликая серая масса, глубоко презирали и ботанов, и дебилов. В дебилах они ощущали физическую угрозу, в ботанах – интеллектуальную. Иеронимус Рексафин был для них совершенно необъяснимым явлением. Неизвестно даже, точно ли он учится в их школе. Из-за своеобразного распределения уроков ему постоянно приходилось бегать от ботанского класса к дебильскому и обратно. Он проносился по переполненным коридорам, сверкая очками, лавируя меж обычных учеников – не психов, не гениев, не уголовников, не вундеркиндов. Иногда они его обзывали. Эти-то все знали об особенностях его расписания, но на них Иеронимусу было плевать. Они обитали как бы в междумирье. Он пробегал мимо, они кричали ему в спину: «Эй, очкастый, ты ботан или дебил?» А он только улыбался, он гордился их оскорблениями, словно почетной медалью, потому что знал – они по-своему завидуют. Для бесцветных, никому не нужных середнячков не придумали особого прозвища.

Через два года такой жизни, то есть к шестнадцатилетнему возрасту, Иеронимус обзавелся немалым количеством приятелей в обоих мирах, в том числе двумя по-настоящему близкими друзьями. Среди ботанов это была, конечно, Слинни – как и он сам, носительница лунарного офтальмического символяризма. На противоположном конце шкалы находился

Брейгель – верный друг-дебил. Брейгель и слыхом не слыхал ни о каком лунарном офтальмическом символяризме. Он вообще был убежден, что Иеронимус носит очки ради прикола.

Брейгель был принцем среди дебилов. У него, как и у всех в этом скопище неприкаянных подростков, была масса проблем в семье и в обществе, но, в отличие от прочих, он никогда не прибегал к насилию для преодоления трудностей. Это не значит, что ему не случалось ломать товарищу нос пудовыми кулаками. Брейгель не искал драк, они сами его находили. Рослый, неповоротливый, с лохматыми русыми волосами, он жизнерадостно возвышался посреди окружающего хаоса, с веселым, вечно чуть озадаченным лицом и с выражением полной невинности. Он был неряхой, но не отталкивающим – скорее, чем-то напоминал рыцаря, который только что шлепнулся с коня и приземлился в лужу. Если можно представить себе дебила-вельможу, великолепного в своей аристократической наивности, именно таким был Брейгель.

Он каждый год проваливал все до одного экзамены по всем предметам.

Он легко отвлекался.

Часто загорался энтузиазмом по самым неожиданным поводам, никак не вписывающимся в учительские планы.

Некоторые учителя считали, что он сообразительный и славный мальчик, хоть и никудышный ученик; по мнению других, ученика хуже им еще встречать не приходилось. Девочки никак не могли решить, красавец он или страшила.

Иеронимусу он сразу понравился.

Когда Брейгель входил в класс, комната словно становилась меньше, а его голос, громкий от природы, перекрывал все прочие звуки. Ему постоянно кричали: «Заткнись! Убавь децибелы!» – а он не обращал внимания. С появлением Брейгеля коррекционный класс мгновенно погружался в безумную какофонию звуков, центром которой был он сам.

– Иеронимус! – орал он через всю комнату.

Брейгель единственный среди дебилов никогда не звал стопроцентного «Мус». Сокращать имена было ниже его достоинства.

– Иеронимус, ты не поверишь, что со мной сегодня случилось по дороге в этот вертеп невежества…

– Брейгель! – вопил разъяренный учитель, уже дошедший до точки кипения посреди непочтительного шума.

Брейгель продолжал как ни в чем не бывало:

– В метро подходит ко мне тетка. Вроде из какой-то религиозной конторы. С колокольчиком, в дурацкой такой шапке и хочет, чтобы я дал ей денег. Еще и книжкой на меня махала.

– Брейгель! – надрывался учитель.

– Хорошенькая даже, только для меня старовата и с привихом. Все что-то бубнила про Иисуса и Пикси.

Учитель, по имени мистер Фластегелин, проработал в этом классе всего две недели, полностью перегорел и мечтал об увольнении.

– Брейгель, ты опоздал! Ты срываешь урок!

Это была и правда, и неправда. Брейгель действительно разговаривал слишком громко, и если бы учитель хоть немного контролировал происходящее в классе, можно было бы и впрямь сказать, что Брейгель срывает урок. С другой стороны, поскольку еще до его прихода шум зашкаливал, выходило, что учитель к Брейгелю явно придирается. Наверное, потому, что это вполне безопасно – Брейгель никогда не нападал на учителей.

– Уважаемый наставник! – вопил Брейгель.

Он не давал себе труда запоминать фамилии преподавателей, обращался к ним исключительно «уважаемый наставник» или «уважаемая наставница». Сознавая ограниченность своего словарного запаса, он часто придумывал новые слова, чтобы казаться умнее.

– Ваши квадрангуляции по поводу артикуляционных излишеств моего орального аппарата крайне чрезмернотичны! Я здесь не один такой звукораспространяющий! Вы бы сначала других призвали к порядку, чем на меня свои укорительные флюиды разбазаривать!

Класс взревел от хохота. Некоторым было обидно, что учитель словно не замечает их вклада в общий гам. Псевдопафосные речи Брейгеля служили своего рода усилителем, поднимающим уровень шума на небывалую высоту.

– Брейгель, ты в классе громче всех разговариваешь!

Брейгель, не обращая внимания на учителя, прервал рассказ о своей необычной встрече в метро и обернулся к девочке по имени Клеллен, сидевшей в двух шагах от него, причем говорил он, не понижая голоса, на той же громкости, что и с Иеронимусом.

– Клеллен, смотрела вчера «Потных служанок»? Девчонка, которая играла Роксану, жутко на тебя похожа!

– Отвянь, Брейгель! – возмутилась Клеллен. – Я такую гадость не смотрю! Опять у тебя пылесос в обратную сторону включился, пингвин несчастный!

– Да это ж я в хорошем смысле! – хохоча, заорал в ответ Брейгель с насмешливой нежностью.

Пока он говорил, в дальнем конце комнаты завязалась драка. Один дебил колотил другого по лицу массивной металлической пряжкой от пояса, используя ее как кастет. Мистер Фластегелин бросился разнимать и споткнулся о чью-то выставленную в проход ногу. Ученик, самым неподобающим образом развалившийся на стуле, вовсе не хотел поставить подножку мистеру Фластегелину, однако страшно обиделся, что учитель не заметил его вытянутой во всю длину ноги. Мимолетная боль в ступне вызвала поток ужасных обвинений в адрес лежащего на полу учителя, у которого череп раскалывался от боли после удара о твердую поверхность. Возмущенный ученик в порыве справедливого негодования подскочил к учительскому столу, схватил электронный планшет с конспектом урока и треснул ошарашенного мистера Фластегелина по лицу, как раз когда тот поднимался с пола.

– Учеников нельзя бить, права не имеете! – со слезами орал он во всю глотку. – Вы мне палец на ноге сломали! Палец сломали!

Выкрикивая «Палец!», он каждый раз обрушивал планшет на несчастного учителя. Тот сжался в комочек, прикрывая голову руками. Прочие ученики тоже бросились в свалку – учитель был новый, практически незнакомый и с самого начала не справлялся с классом. Его пинали, словно мешок зараженных крыс.

Брейгель в избиении не участвовал. Он покамест выбил замок у старого шкафа молотком, который тайно протащил в школу, и давай разбрасывать по комнате мелкие пластмассовые инструменты, карточки с записями и школьные тетрадки, распевая популярную песенку: «Наша любовь не пройдет, пока дождь на Луне не пойдет».

Иеронимус спрятался под партой. Скоро явятся охранники – они то и дело заглядывают в коррекционный класс, потому что подобные сцены здесь не редкость. Иеронимус потихоньку вытащил свой секретный мини-планшетик, на котором был записан черновик доклада по философии на тему: «„Исповедь“ Жан-Жака Руссо». Он как раз недавно прочел это произведение, к тому же на языке оригинала. Иеронимус планировал удрать, как только в класс ворвутся охранники с дубинками, сетями и баллончиками парализующего газа. Не хотелось опаздывать на философию из-за всей этой ерунды.

Словно моряк, добравшийся после шторма до тихой гавани, прибегал он на урок философии, литературы или истории. Одаренные ученики не подозревали о его второй жизни в сумасшедшем доме. А психи из коррекционного знать не знали о его другой жизни среди интеллектуальной элиты. Он легко и плавно перемещался меж двух миров и в обоих чувствовал себя своим, а в глазах его таился цвет, чуждый всему вокруг.

Глава 3

Иеронимус и Слинни пришли в мультимедиатеку поискать материалы для совместного реферата, посвященного анализу книги Наака Коонкса «Шальной древоволк». Иеронимус уже накопал миллион критических отзывов об этом широко известном классическом произведении и сам сочинил превосходный разбор, а недавно от дяди Рено, отцовского брата, узнал такое, о чем наверняка не слыхала даже учительница. Иеронимусу не терпелось удивить Слинни.

У нее стопроцентно вынесет мозг!

Они устроились за столом посередине просторной ротонды, подключились к терминалу, достали планшеты и приготовили электронные стилусы.

– Знаешь… – начал Иеронимус.

Мимо прошла шумная группа человек учеников класса ИЗО, направляясь к терминалам раздачи красок.

– Что? – отозвалась Слинни.

– Знаешь, по-моему, нам досталось очень скучное задание, – соврал Иеронимус, поигрывая стилусом.

Он нарисовал в воздухе прозрачную коробочку, внутри нее – облачко, потом кликнул по облачку, запуская анимацию с крошечной мультяшной молнией и косыми черточками, изображающими дождь.

Слинни посмотрела и уничтожила рисунок одним росчерком стилуса.

– Иеронимус, серьезней надо быть!

– Зачем ты стерла мою тучку? – притворно возмутился Иеронимус.

Слинни уже собралась разразиться длинной речью об очевидных вещах: о том, что они, стопроцентно лунные, ни разу в жизни не видели дождя и никогда не увидят, потому что на Луне дождь не идет. Она готовилась к серьезному разговору о судьбе лунных очкариков, как вдруг заметила, что Иеронимус уже открыл «Шального древоволка» на сорок второй странице и деловито подчеркивает стилусом целые фразы на висящей в воздухе полупрозрачной картинке.

Слинни вызвала на своем экране ту же самую книгу и уставилась в просвечивающую насквозь страничку. Взмахнув рукой и пощелкав кнопкой стилуса, подправила степень прозрачности. Начала читать и внезапно обнаружила, что ее сорок вторая страница совсем не та, что у Иеронимуса.

– Эй, мы вроде должны работать над одной и той же книгой!

– Книга та же самая, – ответил он, не отрываясь от своих пометок.

– Нет, не та же! Посмотри, вот твоя сорок вторая страница, а вот моя – ничего общего!

Иеронимус не поднимал глаз от экрана, даже не взглянул в сторону Слинни. Рано или поздно до нее дойдет. Собственно говоря, пока что она реагировала именно так, как было задумано.

– Мы оба читаем «Шального древоволка», автор – Наак Коонкс, – сообщил он благодушно.

– Нет, это я читаю «Шального древоволка», а ты читаешь что-то совсем другое!

Слинни повысила голос. Иеронимус улыбнулся. За соседними столиками начали оборачиваться.

– Тихо, – шепнул Иеронимус.

В ротонду вошла еще одна группа.

– Слинни, привет! – окликнул какой-то парень, перекрикивая общий гул.

Слинни оглянулась. А, это Боб. Высокий. Спортивный. Не ботан. Просто обычный школьник, ничем особо не выдающийся. Она ему нравилась, чему была совсем не рада. Боб улыбался, глядя на Слинни так, словно она прямо-таки счастлива его видеть. На самом деле ей было все равно, и брошенная в ответ улыбка была так же мимолетна, как и взгляд. Боб с одноклассниками пересекли ротонду, ненадолго оказались в пятне света от круглой желтой лампы под потолком и скрылись в тени в дальнем конце зала. Она потом с ним поздоровается, вот только сначала разберется с книжкой.

Громкий шепот Слинни было слышно за несколько столов.

– Ты читаешь совсем другую книгу! Текст на странице разный!

– Та же книга, Слинни.

Она придвинула свой стул поближе к Иеронимусу и чуть не ткнулась лицом в экран, указывая на очевидные несоответствия. Иеронимус веселился вовсю.

– Вот, вот, смотри! – Она обвела несколько слов стилусом. – Что это за персонаж – Нееф? И что за история с пончиками в складной тачке? А сюда, на эту строчку глянь! «Конфетная чувырла, наморщив сопатку, впаривала Полу, будто бы облака на рассвете похожи на его наглые, мерзкие, опухшие с похмелья, налитые кровью гляделки, о, термоядерный взрыв, о, термоядерный взрыв, о, термоядерный взрыв, о, кружись волчком, да молчком, все пучком»! И ты еще говоришь, что книга та же самая?!

Не успели эти слова вылететь из ее возмущенно раскрытого рта с чуточку крупноватыми зубами, как рядом послышался голос еще одного поклонника:

– Синяя Слинни! Синяя Слинни!

Слинни и Иеронимус оторвались от экрана. В мультимедиатеку вошла очередная группа учеников, и опять высокий спортивный парень радостно улыбнулся Слинни, проходя мимо. Джим. Местная знаменитость, второй полузащитник школьной команды по телеболу, уверенный, будто все девчонки в районе Моря Спокойствия считают его неотразимым. Некоторые и правда так считали, но Слинни была не в их числе. А он, совсем как Боб, почему-то вообразил, будто она им интересуется. Слинни одарила Джима такой же неискренней улыбкой, как и Боба, после чего вернулась к спору о книге.

– Я тебе повторяю, Иеронимус, ты изучаешь какой-то другой текст! Честно говоря, это твои проблемы, но у нас все-таки совместный реферат! Тебе, наверное, кажется, что это очень смешно – притворяться, будто книжка одна и та же!

Она еще больше разозлилась, увидев на лице Иеронимуса широкую улыбку. Он раскрыл рот, чтобы наконец объяснить, в чем фокус, и тут его напарницу в третий раз окликнули:

– Слинни! Слинни! Слинни!

Еще одна группа школьников проходила через ротонду, и, как всегда, нашелся спортсмен, слегка возвышающийся над толпой. На лице у парня расплылась улыбка от уха до уха – явно по тому же образцу, что и у предыдущих двоих. Этот звался Пит. Телеболист, и не просто, а капитан команды. Еще и в команде по легкоатлетике. Юноша вообще любил команды. И в школе его любили, только Слинни в этот раз даже не удосужилась ему улыбнуться, а молча уткнулась в текст, сгорая от смущения.

– Слинни, почему все эти парни считают, что они тебе нравятся?

– Иеронимус, помолчи.

– Нет, серьезно! У тебя образовался прямо-таки фанклуб из дубиноголовых спортсменов.

– Не знаю, с чего они взяли, будто нравятся мне.

– С чего-то же взяли!

– Просто они тупые. Понятия не имею, почему они так на меня смотрят. Я с ними даже не кокетничала.

– Может, кокетничала, сама того не замечая.

– Не говори ерунду!

– Может, Боб, или Джим, или как их там зовут, уронили, ну я не знаю, монетку или резинку для волос, а ты им сказала что-нибудь такое вполне нейтральное, допустим: «Извини, ты уронил резинку для волос», а со стороны это выглядело, как будто ты с ними заигрываешь.

Покосившись на Иеронимуса, Слинни по изгибу губ, наклону головы и по интонации поняла, что его реплика исполнена поистине адского сарказма.

– Ты, – проговорила она медленно и раздельно, – голову свою… забыл… на обратной… стороне… нашего булыжника… тупица несчастный…

Пит все еще пытался привлечь внимание Слинни, одновременно стараясь не отстать от класса, который постепенно продвигался через зал.

– Слинни! Эй, Слинни!

Она притворилась глухой, зато Иеронимус так и уставился на Пита. Вдруг его поразила одна мысль. Вот уже третья большая группа школьников посещает обычно тихую обитель знаний. В школе явно что-то происходит, а они со Слинни не в курсе.

– Эй, ты! Очкарик!

– Ты мне? – отозвался Иеронимус.

– Ага. Скажи своей сестре, пусть посмотрит в эту сторону!

– Она мне не сестра.

– А, все равно. Похлопай ее по плечу, пожалуйста!

– Похлопать по плечу? Это как?

– Ну что тебе, трудно, что ли?

– В смысле, по плечу похлопать?

– Ага.

– Вообще-то непросто. Я точно знаю, она не любит, чтобы ее кто-нибудь хлопал, особенно я.

– Слушай, ну не будь какашкой. Сделай, что просят!

– За пять тысяч долларов я бы взялся. Сначала хотел содрать с тебя три тысячи, но когда меня обзывают какашкой, цена повышается.

– Ты, долбодятел, вот я щас к тебе подойду…

– Я как раз хотел тебе посоветовать – подойди и сам ее похлопай по плечу.

– Не могу, нам нельзя выходить из строя! Так что радуйся, твой нос пока еще остается при тебе.

Иеронимус не торопился отвечать. Угрозы его нисколько не взволновали. Пит явно считал, что Слинни сидит в наушниках и ничего вокруг не замечает. За время их диалога в ротонду вошли еще два класса, и шум теперь стоял, как в школьной столовой. Иеронимус покосился на Слинни – она притворялась, что не слышала их содержательной беседы, и усердно отворачивалась, давясь от смеха.

Вошли еще несколько групп – кажется, целые классы.

– Слушай, ты, маньяк на почве плеч! Что за переселение народов у нас в школе происходит? – спросил Иеронимус своего противника. – Куда вас всех гонят?

– Иди уфейся об стенку, очкарик! – злорадно ухмыльнулся Пит.

– Услуга за услугу, – предложил Иеронимус, пропустив обидную реплику мимо ушей. – Расскажи, что творится, а я за это похлопаю твою подружку по плечу. Еще и наушники у нее отберу, тогда ты сможешь с ней поговорить. Она будет счастлива послушать, как ты красиво уговариваешь людей хлопать друг друга по плечам!

Как и ожидалось, Пит, не уловив насмешки, принял предложение Иеронимуса всерьез.

– Собрание у нас. Что-то насчет гигиены полости рта. Вся школа обязана присутствовать. А вы почему не со своими классами? Вот, я рассказал, теперь хлопни ее по плечу, а то мы уже уходим. Давай быстрее!

Иеронимус, не задумываясь, театральным жестом коснулся плеча Слинни. Пит принял все за чистую монету, а Слинни подыграла – сделала вид, будто вынимает крохотные штучки из ушей, и, обернувшись, изобразила удивление и радость при виде плечистой фигуры Пита. Она даже выдавила улыбку и помахала рукой. Пит замахал в ответ. Иеронимус тоже помахал Питу, а Пит – ему, и все обиды мигом испарились. Посмотришь – лучшие друзья на свете, да и только.

– Как, значит, этого зовут? – спросил Иеронимус с несколько жестокой улыбкой.

– Его. Зовут. Пит.

– Пит? Такой здоровый парень, мне нос грозился сломать, и вдруг – Пит?

– Ничего он не грозился сломать.

– Грозился.

– Это он только говорит. На самом деле он очень славный…

В последнем слове отчетливо прозвучало сожаление.

– Так вы все-таки знакомы! – мгновенно прицепился Иеронимус.

– Ничего подобного!

– Ты сказала, он славный! Откуда ты это знаешь?

– Да мы так, самую чуточку знакомы.

– Самую чуточку, значит. Вы целовались?

– Мы будем сегодня работать над книгой или как?

– Наверняка целовались.

– Не целовались, и вообще это не твое дело.

– Мое, сама знаешь. И знаешь почему.

– Вот придурок!

– Мы, стопроцентные, должны держаться друг за друга.

– Так и знала, что ты притянешь эту тему!

Школьники, направляющиеся на собрание, мало-помалу организованно покинули ротонду, и разговор Сленни с Иеронимусом снова стал развлечением для публики.

– Мы дружим совсем не потому, что оба входим в сообщество ЛОС! Это вообще ни при чем!

Как только отзвучало последнее слово, в ротонде установилось изумленное молчание. Ученики за соседним столиком подозрительно косились на них.

– В сообщество ЛОС? – задохнулся Иеронимус недоверчиво, растерянно и возмущенно. – Это еще что за чушь?

– ЛОС – лунарный офтальмический символяризм! Ты что, вообще ничего сам о себе не знаешь?

– Да нет, меня царапнуло слово «сообщество».

– А как еще нас назвать, всех в целом, ты никогда не задумывался?

– О чем ты, не пойму? Нас все зовут стопроцентно лунными…

– Вот-вот! Эта дурацкая кличка тебя устраивает?

– Постой, но как же… Сообщество ЛОС – звучит как название дома для престарелых…

– А «стопроцентно лунные» – это унизительный ярлык! Знаешь, как он появился?

– Не знаю и знать не хочу, – соврал Иеронимус.

– Девяносто четыре года назад таких, как мы, ссылали в специальные лагеря на обратной стороне Луны. Это время называют «Эпоха слепоты». В школах о нем не рассказывают. Правительство скрывает…

– Я сказал: не хочу об этом знать!

– Конечно, это же убрали из всех учебников и книг по истории!

– А ты откуда знаешь? Кто тебе рассказал?

Слинни поперхнулась. Ответ не шел у нее с языка.

Иеронимус зло рассмеялся. То есть со стороны казалось, что зло, а на самом деле – грустно, с затаенным оттенком самой обыкновенной ревности.

– Это тебе очередной бойфренд наплел?

Иеронимус понимал, что разговор катится куда-то не туда, и виноват в этом только он сам. Ему всегда нравилось дразнить Слинни. Всего две минуты назад он передразнивал Пита, а она изо всех сил старалась не смеяться. Как быстро все изменилось! Слинни вскочила, сжимая кулаки. На ней был короткий синий жакетик, точно в цвет волос, а под ним черная футболка. Черное и синее. В древности синий цвет означал грусть. Синяя Слинни… Синяя Слинни… Впервые Иеронимус молча проклинал свою дурацкую жизнь за то, что не может увидеть ее глаза. Такими, какие они есть на самом деле, без фиолетовых линз. Сквозь стекла можно разглядеть форму век, ресницы, темные точечки зрачков, белки глаз, но с бесцветной радужкой ее глаза словно бы стерты. Как и его.

Они застыли друг против друга. Слинни хотела сказать: «Мы не умрем, если посмотрим друг другу в глаза», – но он остановил ее. Сколько времени могут люди обитать на Луне, оставаясь людьми? Не бывает лунных наполовину. Или ты человек, или нечто совсем иное. Луна – это камень, летящий в пустоте. Здесь дышат искусственным воздухом, здесь воду для питья добывают из растаявших комет. Слинни красит волосы в синий цвет. Они вместе работают над рефератом. Слинни встала. Им постоянно твердили: нельзя смотреть друг другу в глаза, нельзя разговаривать друг с другом, но это было сплошное вранье. Слинни знала такое, о чем Иеронимус не догадывался, а узнать боялся. Это было понятно по наступившему молчанию. На них смотрели. Слинни по-прежнему сжимала кулаки. Линзы на глазах запрещали продолжать этот разговор. Иеронимус залюбовался ею…

Он уже готов был признаться, что все в его жизни вращается вокруг нее. «Ха, Слинни, спорим, ты этого не знала – я и сам раньше не сознавал, а вот сейчас ты встала, стиснула кулаки, твои волосы медленно плеснулись в такт движению, ты кружишься, и я кружусь вместе с тобой. Я и не подозревал, а оказывается, я – твой спутник, без тебя в моей планетной системе нет центра…»

Иеронимус заговорил так тихо, что Слинни едва могла его расслышать. При этом он неотрывно смотрел ей под ноги.

– Моя мама целый день не встает с постели. И все время плачет.

Кулаки Слинни сами собой разжались.

– Шестнадцать лет ничего другого не делает. Мы ни разу с ней не разговаривали.

Пальцы Слинни бессильно повисли.

– Она лежит в кровати в дождевике. Пластиковом таком.

Слинни села, глядя прямо перед собой. Иеронимус никогда не рассказывал подробно о своей семье. Ни слова о матери – Слинни думала, что его мама умерла или, может, вернулась на Землю. Она не спрашивала, потому что Иеронимус всегда держался так, словно они в семье одни с отцом.

Эпоха слепоты. Нужно ему рассказать. На самом деле он понимает, что это правда.

Слинни долго так сидела и смотрела на него. Несколько раз глаза Иеронимуса моргнули за стеклами очков. Она знала, что он смотрит в никуда, и ждала, пока он снова заговорит. Его губы шевельнулись, но беззвучно. Он поднял руку к голове и смахнул несуществующую соринку. Хотел попросить прощения и не мог. «Извини, я просто завидую этим мальчишкам, им не приходится прятать глаза под очками…»

«Милый Иеронимус, я не знала про твою маму. Это была твоя тайна. У меня тоже есть тайна, только я не могу тебе ее рассказать. Пока не могу. Это связано с моим братом Раска-

ром. Помнишь его? Он адвокат, живет в округе Коперника, работает в Лунном федеральном суде. Недавно он раскопал совершенно потрясающие вещи, которые имеют самое прямое значение для тебя и для меня. Родители боятся, что его арестуют, но еще больше они боятся того, что может случиться со мной, если ему не дадут раскопать правду. Он вступил в тайное общество, занимающееся сбором информации о том, что у нас на Луне не все ладно. Точно известно одно: вранье началось, когда правительство и корпорации объявили, будто бы нам нельзя друг на друга смотреть. Они больше всего на свете боятся, как бы такие, как мы, не посмотрели в глаза друг другу».

После долгого молчания Слинни задала вопрос на тему их нынешнего задания.

– На самом деле ты ведь читаешь не «Шального древоволка»?

Иеронимус встряхнулся, собираясь с мыслями. Реферат… Ну как же! Страница все еще светилась в воздухе, рядом со страницей Слинни. Два абсолютно разных текста.

– Я хотел тебя удивить. На самом деле книга одна и автор тот же, только… Мой экземпляр – это прямой перевод с оригинального издания. А в библиотеке – стандартная версия, которую учат в школах уже больше ста тридцати лет. Я выяснил, за последние девятьсот лет эту книгу «дорабатывали» триста сорок восемь раз.

Изумленная Слинни отреагировала так, как реагировала всегда, когда чему-нибудь сильно удивлялась – пожав плечами, рассеянно спросила:

– И что?

– Это совершенно другая книга, – ответил Иеронимус. – Явный случай преступного редактирования.

– Преступного редактирования? – шепотом повторила Слинни.

Одним касанием стилуса она вызвала на экран заглавную страницу книги. Там было написано: «Наак Коонкс (Натали Кулмен). Шальной древоволк. Перевод с древнеамериканского: Рено Рексафин».

– Рексафин? Твой родственник?

– Дядя. Он преподает древнюю литературу в земном университете Квадрофф-Максант и часто прилетает на Луну для исследований. Он и сейчас здесь. Два дня назад виделись.

– Он проводит на Луне исследования в области древней литературы?

– Конечно. Здесь самая большая в истории человечества библиотека бумажных книг.

– Бумажные книги? У нас, на Луне?

– Да. Ты не знала?

– Даже вообразить не могла!

– Библиотека не засекречена, просто она не для широкой публики. Туда пускают только ученых, вот как дядя Рено.

– И где эта библиотека?

– На обратной стороне, в горах. Вроде хранилище располагается под поверхностью, иначе книги погибнут.

– Их перевезли сюда с Земли?

Иеронимус вспомнил свой долгий разговор с дядей. В тесном научном мирке Рено Рексафин прославился открытием: оказывается, большинство современных изданий классики резко отличаются от своих же ранних изданий на языке оригинала.

Рено пришел к выводу, что в этой, по его мнению, колоссальной трагедии для всего человечества, виновны лень, косность и топливный кризис.

– Несколько сотен лет назад на Земле закончились запасы топлива, – объяснял он Иеронимусу в свой прошлый приезд. – А потом какой-то идиот обнаружил, что старинные бумажные книги прекрасно горят. Никого не волновало, что при этом уничтожаются миллионы экземпляров – романы все равно никто уже не читал. Тексты оцифровывали и переносили на электронные носители, но делали это из рук вон плохо и небрежно. Удовольствие дер-

жать книгу в руках, перелистывая страницы, давно утрачено. Считается, что книги устарели, только место занимают, и читать их невозможно: древние тексты никто не понимает, потому что словарный запас человечества катастрофически сократился. Никого не волновало, что великие произведения литературы сжигают вперемешку с газетами и журналами. Книги воспринимали так же, как продукты жизнедеятельности динозавров, постепенно превратившиеся в нефть. Над теми, кто пытался протестовать, открыто насмехались.

Иеронимус рассказал Слинни, как возникло движение за то, чтобы вывезти последние уцелевшие книги на Луну, как построили секретную библиотеку и как эта библиотека за столетия превратилась в крупнейшее хранилище человеческой мысли. В фондах библиотеки миллионы, а может быть, и миллиарды бумажных книг. Многие написаны на уже не существующих языках.

Слинни спросила:

– А твой дядя позволит нам туда приехать и почитать эти книги?

– Пока он здесь, наверное, проблем не будет.

– Я ни разу в жизни не видела бумажной книги, – прошептала Слинни.

– Я тоже, – ответил Иеронимус.

Они снова посмотрели на титульную страницу.

– Когда твой дядя это перевел? – спросила Слинни.

Иеронимус улыбнулся.

– Лет двадцать назад. Он тогда еще учился в школе. Чуть ли не первый его перевод. Когда я сказал, что нам с тобой задали реферат по «Шальному древоволку», дядя очень удивился. Он эту книгу знает вдоль и поперек, и вот предложил, если мы хотим как следует повеселиться и сделать действительно классный реферат, взять самую что ни на есть оригинальную версию, которую он сам перевел по первому бумажному изданию двадцать первого века.

– Бумажное издание… – мечтательно вздохнула Слинни. – Потрясающе! Он знает, как это – читать книгу, в которой слова напечатаны на листках бумаги…

– Наверное, это как если бы дождь пошел на Луне, – отозвался Иеронимус.

Они уставились на висящие в воздухе две страницы текста. Вариант Слинни казался простеньким, коротким и неинтересным по сравнению с тем, что парил перед Иеронимусом. Там шла речь о вещах, которых они до конца и понять-то не могли, и казалось, предложения и абзацы написаны не столько ради содержания, сколько ради красоты самого текста, ради звуков и образов, которые возникают при чтении.

В дядином переводе было в три раза больше страниц. Встречались целые главы и персонажи, которых не было в современной версии. Чем внимательнее сравнивать два варианта, тем более пресным и плоским казался второй, стандартный. Слинни заметила идиоматическое выражение, которого не существовало во время написания книги, – оно возникло лет на сто позже. Работа по сравнению двух текстов, начавшись как увлекательная детективная игра, быстро переросла в трагическое осознание культурной и интеллектуальной потери.

– Дядя говорит, самое важное – даже не физическое состояние бумажных книг, а постепенная утрата их смысла с течением времени. Язык ведь меняется, сокращается словарный запас, и для новых поколений многое в литературе становится недоступным.

– Происходила своего рода утечка слов и смысла, и вот издатели, вместо того чтобы защищать первоначальные тексты, стали их слегка «дорабатывать» для нового поколения. Книги сокращали, втискивая в рамки тупого лексикона. Сначала вымарывали отдельные слова, потом целые абзацы. Потом стали урезать прямо страницами. К тому времени бумажных книг уже не печатали, а компьютерный текст редактировать легче – хоть половину выброси, никто и не заметит. Да никто особо и не интересовался. И сейчас не интересуется. Нам с тобой интересно, потому что мы в классе для одаренных, а вот все эти, которых сейчас

вели на собрание? Будет им хоть чуточку любопытно, что в оригинальной версии «Шального древоволка» триста сорок девять страниц, а в стандартном тексте, который мы проходим в школе, чуть меньше ста?

Слинни не успела задуматься над этим удивительным открытием – их грубо отвлек посторонний шум: а именно грохот опрокинутого стола.

В ротонду явились дебилы, человек пятнадцать. Громкие, орущие, хохочущие и дерущиеся.

Иеронимус оцепенел.

Два мира столкнулись в звоне бьющегося стекла и треске ломающейся мебели. Ни разу еще ему не приходилось оказываться в одной комнате с ботанами и дебилами одновременно. Ну никак они друг с другом не совмещались…

– Эй! – заорал мелкий лохматый шкет по имени Пленним. – Зырьте, кто тут у нас! Это же Мус!

У Пленнима был скрипучий голос и воспаленные, покрасневшие глаза. На груди белой рубашки красовалось большое масляное пятно.

– Мус! Му-у-у-у-ус! – заорал парень с длинной бородой, доходящей до середины груди.

Джескер – один из худших. У него на лбу татуировка третьего глаза, а на шее – серебряная коробочка на цепочке. Есть у него противная манера – подойти к человеку и сунуть под нос открытую коробочку: «Понюхай! Ну, давай понюхай!» А вонь из коробочки неописуемо омерзительная.

Не прошло и пары секунд, как двое дебилов подрались, а еще один ни с того ни с сего вскочил на стол – проверить, хорошее ли будет у крышки стола сцепление с подошвами его кроссовок. Стол проломился.

Слинни не поверила своим глазам, когда Иеронимус быстрым взмахом стилуса закрыл парящее в воздухе изображение, которое они только что увлеченно обсуждали, и встал. К нему подскочили две симпатичные девочки, одна – во фланелевой пижаме и с волосами, накрученными на бигуди. У нее были на редкость красивые глаза; к сожалению, их немного портил здоровенный синяк. Ее звали Клеллен. Вторая, чуть пониже ростом, звалась Цихоп. Ее длинные черные волосы доходили до колен, обтянутых белыми джинсами в черную крапинку. На черной футболке был нарисован всадник с автоматом наперевес. На месте глаз у всадника зияли пустые глазницы. Так же, как и у лошади.

– Мус! – промурлыкала Клеллен, хлопая ресницами. – Мы на матике так по тебе скучали!

– Да, Мус, где ты пропадал? – подхватила Цихоп. – Дебби и Джондона выгнали из класса за то, что обжимались…

– Они не просто обжимались, – уточнила Клеллен, выгибая брови. – Он ей рубашку до самой шеи задрал, а она ему сунула руку в…

Цихоп не дала Клеллен договорить.

– Ты что, прогуливал? – инквизиторским тоном спросила она.

Улыбка Иеронимуса стала шире, и он сказал азартным тоном, какого Слинни от него ни разу не слышала:

– Ага, ты же знаешь, я всегда прогуливаю матику по вторникам!

Слинни, замерев, наблюдала за разворачивающимся перед ней спектаклем. Иеронимус знает этих дебилок! Он с ними знаком! И они с ним знакомы! У них даже есть для него ласкательное прозвище – Мус! Они называют его «Мус»! Пошлость какая! Можно подумать, они не в состоянии выговорить его имя полностью.

И что еще за разговоры о прогулах? Иеронимус не ходит на дебильские уроки! Это немыслимо, ведь он – ботан!

Слинни замотала головой. Словно какой-то кошмарный сон…

Когда она подняла взгляд, ей открылось еще более чудовищное зрелище.

Клеллен обняла Иеронимуса и тронула указательным пальцем кончик его носа.

– Ну что, – спросила она кокетливо, – когда я наконец увижу тебя без очков? Говорят, у тебя потрясающие глаза…

Иеронимус, в свою очередь, коснулся ее носа. Просто поразительно, как запросто он общается с этой девчонкой!

– Кто тебе такое сказал, Клеллени-Клель?

– Да так, ходят слухи. Разные девушки… видели… твои глаза…

«Да Иеронимус ли это? – изумлялась про себя Слинни. – Болтает и флиртует с дебилками?!»

Она поскорее отключила экран с текстом. Ее бил озноб.

Трое их одноклассников издали ошалело уставились на Слинни. Похоже, несчастным ботанам чудилось, что эти уголовники вот-вот набросятся на них с кулаками, хотя на самом деле тем до них и дела не было.

Перепуганный ботан по фамилии Пул снова и снова повторял одними губами: «Бежим отсюда!» Но Слинни словно приросла к месту.

Трое дебилов вдруг заинтересовались стойкой библиотекаря и немедленно извлекли отвертки и фломастеры. Под радостное ржание и похабные комментарии они принялись разрисовывать стойку и вырезать на ней разнообразные надписи и рисунки, поражая Слинни невообразимой энергией разрушения.

Какой-то парень врезал другому по зубам.

Высокий мальчишка в полувоенном пальто подошел к Цихоп, и они принялись увлеченно целоваться – поначалу стоя, потом в порыве страсти повалились на письменный стол, за которым сидели несколько школьников. Те в страхе удрали.

Слинни оглянулась на Иеронимуса.

– Клеллен, нахальная ты кошечка, – говорил он чужой девице в бигудях. – Сама знаешь, если бы я снял очки ради какой-нибудь девчонки, это была бы ты.

– Муус! – смеялась она. – Врешь ты всё!

Клеллен принялась нежно гладить его по лицу. На руке у нее темно-зеленой тушью было наколото число «10». Она явно приладилась поцеловать Иеронимуса! А он, покосившись на Слинни, сделал слабую попытку уклониться.

Еще один стол развалился на части. Парень в кроссовках спрыгнул на пол с груды обломков.

Дерущиеся сменили тактику и принялись обзывать друг друга такими словами, что Слинни невольно поморщилась. В дальнем углу две долговязые дебилки в потертых бархатных пиджаках принялись лупцевать друг друга. Вмиг у одной из носа брызнула кровь. Никто не обращал на них внимания, в том числе и Иеронимус.

– Ну покажи! – заливалась смехом Клеллен.

– Нет уж! – смеялся он в ответ.

– Покажи!

Иеронимус закрыл глаза ладонями. Клеллен вцепилась в него, словно осьминог из мультфильма, пытающийся открыть сундук с сокровищами. Оба шлепнулись на пол. Иеронимус вяло отпихивался. Эта игра ему, похоже, нравилась. Они катались по полу, словно влюбленная парочка в стоге сена. Клеллен хохотала, а Иеронимус давился от смеха, не слишком энергично протестуя.

Слинни встала и подошла к ботанам, которые пятились к выходу, стараясь не привлекать к себе внимания этих бандитов. Все вместе они кое-как выбрались за дверь. Слинни охватили не совсем понятные ей чувства. Она остановилась, потом вернулась в ротонду и подошла к валяющимся на полу Иеронимусу и Клеллен.

– Иеронимус! – окликнула она своего преобразившегося друга. – Я ухожу!

Она тут же пожалела, что привлекла общее внимание. В комнате наступила мертвая тишина. Дебилы прекратили буйствовать и все разом уставились на Слинни.

Иеронимусом стопроцентника звали только учителя. И Брейгель, но его сейчас здесь не было.

Вдруг Клеллен и Цихоп завопили во весь голос:

– Ой, прелесть какая! Нет, ну какая пре-е-е-е-елесть!

Клеллен вскочила на ноги и чуть не ткнулась носом в лицо Слинни.

– Ты такая лапочка! – воскликнула она, словно маленькая девочка, выбирающая себе куклу в магазине. – Стопроцентно лунная! Да еще и Муса знаешь! Даже зовешь его Е-рони-мусом!

Парень в пальто присел на стол рядом со Слинни и подергал ее за локоть.

– Не знал, что у Муса есть сестра. Ты его сестра?

Цихоп высказалась более откровенно:

– Эй, ты, наверное, его подружка? Спорим, вы снимаете свои очочки, когда сплетаетесь во влажных объятиях!

Слинни так и застыла. Вокруг нее толпились уголовники. Почему их вообще пускают в школу? Из дальнего угла долетел треск – там продолжали крушить мебель. Куда подевались учителя?

Иеронимус медленно поднялся с пола и вразвалочку подошел к Слинни. Он даже двигался совсем иначе!

Парень в пальто проорал излишне громко:

– Мус! Как у тебя могут быть шашни с этой цыпочкой, когда она тоже в очках? Я слышал, очкарики друг друга на дух не переносят!

Иеронимус протолкался сквозь толпу и втиснулся между Слинни и Клеллен.

– Народ! – объявил он. – Это Слинни.

– Слинни! – взвизгнула Клеллен. – Такое сексуальное имя! И волосы у тебя отпадные!

Слинни кивнула. Ей было тяжело смотреть на синяк, уродующий лицо Клеллен.

– Откуда ты знаешь Муса? – крикнул какой-то мальчишка из задних рядов.

– Ну-у, – начала перепуганная Слинни. – Мы с ним знакомы с третьего класса…

– А почему ты не в нашем классе? – спросил кто-то другой.

На это ответить было нечего. Слинни отвела глаза.

Подошли еще два-три дебила. Один сжимал в руке серебряную коробочку, подвешенную на цепочке. Это был Джескер. При виде Слинни он сделал то, что делал всегда, встретившись с незнакомым человеком – открыл крышечку и сунул коробочку Слинни под нос.

– Понюхай! – потребовал он резким гнусавым голосом. – Нюхай давай!

– Что? – в ужасе пискнула Слинни.

– Нюхай!

– Что нюхать?

– Ой, да ладно тебе! – вмешалась Цихоп. – Джескер хочет стать парфюмером, когда вырастет. Он вечно пробует на всех свои новые духи.

Слинни уже приготовилась понюхать и вдруг остановилась.

– Погодите, а это не наркотик какой-нибудь?

Среди взрывов смеха она различила голоса, уверяющие:

– Нет, нет, это не наркотик какой-нибудь! Не волнуйся!

Слинни оглянулась на Иеронимуса. Он широко улыбался.

– Нюхай смело, это абсолютно безопасно. Джескер – настоящий художник ароматов.

Слинни наклонила голову. Серебряная коробочка выглядела очень красиво, но пальцы, державшие ее, были чудовищно грязными, под каждым ногтем – лиловая полоска. Слинни сунула нос в коробочку и втянула воздух.

Ее чуть не вырвало. Такой вони она даже вообразить не могла: запах тления, тухлятины, смерти, кислый и нестерпимый. Это были самые страшные полсекунды в жизни Слинни. Она не знала, из чего изготовлен состав, но от него разило мертвечиной.

– Фу! – крикнула Слинни, страдая от унижения. – Бр-р!

Дебилы снова закатились истерическим хохотом. Смеялись все, даже Иеронимус – он стоял, обнимая Клеллен за талию и чуть покачиваясь для равновесия.

Бородатый шутник по имени Джескер уже исчез.

У Слинни глаза слезились за стеклами очков.

– Уроды больные! – закричала она на всех дебилов сразу. – Больные! На всю голову!

– Покажи глаза! – крикнул кто-то из толпы.

– Ага, точно! – обрадовался другой. – Мус нам свои зенки не показывает, давай ты покажи!

Тут же вспыхнули возражения.

– Нет! Пусть не показывает!

– А мы хотим посмотреть!

– Не надо! Она очки снимет, мы все подохнем!

– Да не подохнем. Говорят, от их глаз прибалдеть можно.

– Окочуриться от них можно, вот что!

– Помните, в позапрошлом году что с Лестером было?

– Лестер сдох от передоза!

– Оттого, что сатанинский цвет увидел!

Четверо дебилов пустили в ход кулаки.

Цихоп задумчиво покачала головой.

– Ты, поганочка, на грубость нарываешься. Больными нас назвала, четверых человек в драку втянула. Видно, ты и правда демон.

Слинни окаменела. Иеронимус, слегка встревожившись, шагнул к ней. Он больше не смеялся.

– Я тоже считаю, что она демон, – объявил чей-то громкий голос возле стойки библиотекаря. – И она, и Мус. Оба они демоны с обратной стороны Луны.

– Постой-ка, ты же ботанка, – раздался вдруг скрипучий голосок Пленнима.

– С чего ты взял? – Клеллен, уперев руки в бока, решительно повернулась к парню с масляным пятном на рубашке. – Мус ни за что не стал бы дружить с этими воображалами!

– Может, не стал бы, а может, и стал бы, – отозвался Пленним. – Просто я слышал, что в классе у ботанов есть шикарная девчонка, стопроцентно лунная и с синими волосами.

Клеллен покачала головой.

– Базза ты обкурился, вот что, чесоточный!

Пленним за словом в карман не лез:

– Ничего я не обкурился, задротка облезлая!

– Ты кого это задроткой назвал, нубяра вшивый!

– Тебя, слякоть, иди в помойку закопайся!

Пленним и Клеллен сцепились, тем самым удачно отвлекая внимание от Слинни. Ее поразило, насколько отрывочными были все их разговоры. Короткая реплика, ответ – и мгновенный переход к физическим действиям, чаще всего в виде потасовки. Все у них состояло из крайностей. Удивительные обзывательства, каких Слинни в жизни не слыхала и смутно представляла, что они значат. Слинни наблюдала за битвой парня с девчонкой. Дрались они

страшно, шумно и жестоко. Остальные секунд через двадцать перестали обращать на них внимание. В конце концов к Слинни, слегка смущаясь, подошел Иеронимус.

– Я понимаю, ты, наверное, немного удивилась…

– Дебилы?

– Я… Понимаешь, мне плохо дается математика. И физика тоже.

– Дебилы.

– На самом деле они не такие плохие.

Слинни заглянула ему за спину – там Клеллен только что ткнула Пленнима ножкой стула в лицо.

– Мне велели ходить в коррекционный класс по математике и физике. И по биологии, и по труду. Я половину уроков сижу с дебилами.

Слинни смотрела на него, часто дыша. Потом резко отвернулась и двинулась прочь – сначала медленно, потом бросилась бежать.

На следующий день Слинни попросила поменять ей задание и партнера. Ее поставили в пару с мальчишкой по фамилии Пул – тот был прямо-таки счастлив готовить реферат вместе с синеволосой красавицей.

На Иеронимуса она даже не глядела, не то чтобы сказать хоть слово. Слинни твердо решила больше никогда в жизни с ним не разговаривать.

Две недели спустя Иеронимус прочел на уроке доклад о двух редакциях «Шального древоволка». У Слинни сдавило горло и трудно было дышать. Иеронимус ей больше не нравился. Может быть, она его даже ненавидела. Доклад был блестящий. Впервые в жизни Слинни радовалась, что на ней очки – благодаря им не видно, до чего она растроганна.

Глава 4

Окна Падают На Воробьев рвалась поскорее удрать от измучившей ее назойливыми советами матери и недоумка-отца. То, что ей удалось вытерпеть четырнадцатичасовой перелет с Земли до Луны в тесной семейной каюте, уже само по себе настоящее чудо.

Хотя это, конечно, фантастика – взлететь в небо и, выглянув в иллюминатор, увидеть, как твой родной город превращается в далекую лужицу огней, а потом сливается с другими светящимися лужицами на дряхлом континенте, где ты провела всю свою жизнь. И в такой волнующий момент мамуля начинает задавать дурацкие вопросы о школе, контрольных, домашних заданиях и мальчике из твоего класса по имени Корнелиус. «Такой милый мальчик, тебе надо бы с ним встречаться, а не со всяким отребьем». Вопросы бесконечные, нудные. «Мам, ты, может, не заметила, но мы впервые в жизни оказались в космосе, можно хоть сейчас не обсуждать мою учебу и личную жизнь?» Как же, размечталась! Ее мама, Экзонарелла, лелеяла честолюбивые планы касательно своей младшей дочери и постоянно пыталась жить ее жизнью. Это было страшно утомительно. Женщина она была нервная и, мечтая вырастить дочь уверенной в себе и независимой, вечно донимала ее мелочными придирками и старалась контролировать каждый шаг – чем, разумеется, только отталкивала ее от себя. Так же было и с двумя старшими детьми.

Семейную каюту трясло. Уже две тысячи лет, как люди путешествуют в космосе, а выход из земной атмосферы до сих пор проходит не гладко. Седенкер, муж Экзонареллы и отец раздраженной, резко возненавидевшей все на свете девочки-подростка, тихо радовался, что успел принять большую дозу Е-94 – этот наркотик специально рекомендовали космическим путешественникам. Иначе какой-нибудь новичок мог бы с непривычки заблевать весь корабль. Препарат успешно отключил чувство страха, а заодно и нудную жену, которая, закончив спор с дочерью, накинулась на спутника жизни.

– Когда ты наконец найдешь работу? – поинтересовалась она.

Огромный корабль плавно выполнил поворот, и в иллюминаторах неряшливого вида тучи уступили место сверкающим звездам в лиловой дымке.

– Обязательно именно сейчас об этом спрашивать?

– Не представляю, как нам продержаться следующий месяц, – объявила жена сурово.

– Как раз поэтому, – сквозь зубы прошептал Седенкер, – я и считаю поездку на Сатурн самой идиотской затеей…

Разумеется, эта реплика привела жену в ярость.

– Нет, извини, сколько можно пережевывать одно и то же! Билеты брат нам достал бесплатно, спасибо ему огромное! Часто ли выпадает такая возможность?

Седенкер промолчал. Это он умел виртуозно.

«Слава богу, – думал он, пока жена увлеченно перечисляла его многочисленные недостатки, – слава богу, что меня в полете укачивает, можно закинуться Е-94 и хоть раз в жизни ее не слушать».

Он покосился на Экзонареллу. Ее губы быстро-быстро шевелились. Когда не слышишь, о чем она говорит, его жена – самая красивая женщина в мире.

Семья и в самом деле направлялась к кольцам Сатурна. Их ждал курорт на Титане, под названием «Ле Кракэн-сан». Мега-крейсер звался «Грейдлианская хризантема» и вмещал несколько тысяч пассажиров. Крохотная семейная каюта на троих вполне годилась для короткого перелета до Луны, но Окна Падают На Воробьев заранее ужасалась при мысли о предстоящем путешествии до Сатурна. Три дня сидеть нос к носу с матерью, которая непрерывно выспрашивает, поучает, вслух перечисляет свои нелепые мечты. И отец – пол-

ная противоположность, закрылся в скорлупе своего депрессивного невроза, перед ним хоть на коньках катайся по кольцам Сатурна, он и не заметит. Уже три года отец безработный. Чуть-чуть напрягшись, можно вспомнить, каким он раньше был веселым и довольным. В то время она звала его папой. А теперь ничем не занимается, только ищет работу и никогда не находит. Как будто совсем другой человек.

– Пап, ты принял Е-девяносто четыре?

– Принял, Окна Падают На Воробьев.

– Значит, ты принимаешь наркотики?

– Это не наркотик, просто лекарство, чтобы не тошнило, когда мы выйдем в открытый космос.

– Откуда ты знаешь, что будет тошнить, ты же никогда не был в космосе?

– Меня даже в автотранспе тошнит, а уж тут и подавно.

– У тебя глаза совсем красные.

– Да, вроде того.

– Сначала принимаешь Е-девяносто четыре, потом перейдешь на базз и умрешь от передоза.

– Да ну? Можешь обо мне не беспокоиться. Я не собираюсь ходить обкуренный.

Корабль, пробив облака, вышел за пределы атмосферы, и вдруг стало видно округлый краешек Земли. Зрелище было невероятное. Впервые в космосе! Все трое притихли. Из глубин мега-крейсера доносился странный глухой гул. За иллюминаторами открылась картина, впечатление от которой не в силах передать никакие видеозаписи. Земной шар остался позади. Каждый в этот миг испытывает одно и то же чувство: восхищенное изумление. Следом приходит ужасающее осознание собственной незначительности, за ним – чувство свершения. Ну, а потом возвращаются мелкие земные заботы, личные свары и обиды – словом, все то, что занимало человека перед прыжком через стратосферу в бесконечность небес, наполненных мириадами звезд, которых не увидишь с нашей замусоренной, закопченной планетки.

Седенкер взял Экзонареллу за руку и шумно потянул носом:

– Правда, на корабле чудесно пахнет?

Жена, ненадолго задержав на нем презрительный взгляд, обернулась к дочери:

– Так скажи, у тебя роман с Корнелиусом? Да или нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.